

Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

sgjournal.ru

№ 1 (1) / 2021

Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований

№ 1 (1)

Вологда 2021

Издается с июля 2021 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Все права защищены. Перепечатка материалов только с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой
право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Дата выхода в свет: 30.07.2021

Журнал представлен на сайте в свободном бесплатном доступе
в полнотекстовом формате

Адрес редакции: 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2
Телефоны: (8172) 51-82-50, (8172) 51-46-12, (8172) 51-98-70
E-mail: sgjournal@mail.ru

Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет: sgjournal.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства
массовой информации Эл № ФС77-81296 от 09.06.2021

© ВИПЭ ФСИН России, 2021

All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities

No. 1 (1)

Vologda 2021

Founded in June 2021

Issued four times a year

Founder:

Federal State-Financed Educational Institution of Higher Education
“Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia”

Editor-in-Chief:

Evgeny L. Kharkovsky

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.
Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right
to abridge and edit the manuscripts submitted

Date of publication: July 30, 2021

The journal is available online and provides open
and free-of-charge access to its content in full-text format

Address of the editorial office:

2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Phones : (8172) 51-46-12, (8172) 51-82-50, (8172) 51-98-70

E-mail : sgjournal@mail.ru

Website: sgjournal.ru

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media. Certificate of registration
EI No. FS77-81296 dated June 9, 2021

© VIPE FSIN Russia, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент (главный редактор);

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор (заместитель главного редактора);

Ласточкин А. Н. – старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент (ответственный секретарь);

Вахнина В. В. – профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, профессор;

Ганишина И. С. – начальник кафедры юридической психологии и педагогики Академии ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Егоров А. Н. – заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор исторических наук, доцент;

Касаткина С. С. – профессор кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, доктор философских наук, доцент;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Стуканов В. Г. – начальник кафедры психологии и педагогики Академии МВД Республики Беларусь, доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, профессор;

Токомбаева А. Т. – профессор кафедры криминалистики, специальной техники и психологии Академии МВД им. Э. Алиева Киргизской Республики, кандидат психологических наук, доцент.

EDITORIAL BOARD:

Evgeny L. Kharkovsky – Head of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor (Editor-in-Chief);

Elvira V. Zautorova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor (Deputy Editor-in-Chief);

Aleksandr N. Lastochkin – senior researcher of the Research Laboratory at the Organizational and Research Department of VIPE FSIN Russia, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor (Executive Secretary);

Viktoriya V. Vakhnina – professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Irina S. Ganishina – head of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Academy of FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Andrei N. Egorov – head of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Svetlana S. Kasatkina – professor of the Department of History and Philosophy at Cherepovets State University, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Aleksandr L. Kuzminykh – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (History), Associate Professor;

Konstantin B. Malyshev – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor;

Natal'ya S. Oboturova – professor of the Department of Philosophy and History at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor;

Oksana B. Panova – professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at the Faculty of Psychology of VIPE FSIN Russia, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology at Moscow State Psychological and Pedagogical University, Doctor of Sciences (Psychology), Professor;

Vitalii G. Stukanov – head of the Department of Psychology and Pedagogy at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Doctor of Sciences (Pedagogy), Candidate of Sciences (Psychology), Professor;

Aisulu T. Tokombaeva – professor of the Department of Criminalistics, Special Technique and Psychology at Ergesh Aliyev Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

КЕВЛЯ Ф. И.

Квинтэссенция педагогического мастерства как качественная характеристика работника сферы образования 7

РЕЙМА О. Я.

Критерии и показатели оценки результатов деятельности по патриотическому воспитанию студентов средствами фольклора 10

РОЩИНА Е. Н.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью специалиста как необходимое условие эффективности его профессиональной деятельности (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы) 16

КУЗЬМИНЫХ А. Л.

Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны 22

ЖЕЛТОВ А. А.

Гангутское сражение: различия научного и популистского освещения события . . 33

ОБОТУРОВА Н. С.

Культурные риски образования в современном медиамире 37

ДРЯННЫХ Н. В.

Философско-правовые аспекты правосознания в курсе обществознания 41

CONTENT

KEVLYA F. I.

The quintessence of teaching art as a qualitative characteristic
of an educational worker 7

REIMA O. Ya.

Criteria and indicators for assessing results on patriotic education of students
by means of folklore 10

ROSHCHINA E. N.

Satisfaction with the professional activity of specialist as a necessary condition
for the effectiveness of his professional activity (on the example of employees
of the penal system) 16

KUZMINYKH A. L.

Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War 22

ZHELTOV A. A.

The Battle of Gangut: differences between scientific and populist coverage 33

OBOTUROVA N. S.

Cultural risks of education in the modern media world 37

DRYANNYKH N. V.

Philosophical and legal aspects of legal consciousness in the course
of social studies 41

УДК 364.4

Квинтэссенция педагогического мастерства как качественная характеристика работника сферы образования

Ф. И. КЕВЛЯ – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор

В статье раскрывается представление о высшем уровне педагогического мастерства (квинтэссенции), опережающей поддержке и прогнозировании личностного развития воспитанника. Приводятся конкретные примеры разнообразных приемов взаимодействия педагогов с подопечными.

Ключевые слова: квинтэссенция; педагогическое мастерство; зона ближайшего развития; опережение; прогнозирование; поддержка.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Кевля Ф. И. Квинтэссенция педагогического мастерства как качественная характеристика работника сферы образования. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 7–9.

The quintessence of teaching art as a qualitative characteristic of an educational worker

F. I. KEVLYA – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doc. Sci. (Pedagogy), Professor

The article reveals the idea of the highest level of teaching art (quintessence), of advanced support and forecasting of the pupil's personal development. Specific examples of various methods of interaction between teachers and wards are given.

Key words: quintessence; teaching art; zone of proximal development; advance; forecasting; support.

5.8.7 – Methodology and technology of vocational education.

For citation: Kevlya F. I. The quintessence of teaching art as a qualitative characteristic of an educational worker. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 7–9.

В справочной литературе¹ понятие «квинтэссенция» толкуется как основа, самая сущность чего-нибудь. Квинтэссенция (в переносном значении) – самое главное, самое важное, наиболее существенное, самая тонкая и чистая сущность, пятая стихия (в отличие от четырех предыдущих: воды, земли, огня, воздуха), божественная ипостась сущности.

Квинтэссенция (от лат. quinta – пятая, музыкальный интервал шириной в пять ступеней, обозначается цифрой 5; последняя,

тончайшая струна на смычковых инструментах; название струны ми второй октавы; в бою на саблях или шпагах – пятый, самый искусный способ отражения и нанесения удара; от праиндоевроп. esse – быть) – быть пятой². Близкими по смыслу являются следующие значения: альфа и омега, суть, сущность, душа, основа, субстанция, экстракт, эссенция³.

В античную натуральную философию это понятие введено Аристотелем, который рассматривал квинтэссенцию как эфир,

тончайший пятый элемент, вид материи. В пифагорийской школе это пятая стихия, добавленная к четырем стихиям (вода, земля, огонь, воздух) Эмпедокла (492–432 гг. до н. э.). По мнению Парацельса, квинтэссенция – это пятая, истинная сущность мира, родство человека и бога, магическое начало души, экстракт всех первичных элементов материи. Аристотель, Пифагор, Эмпедокл и Парацельс, являясь высокообразованными людьми своего времени, философами-мыслителями, считали квинтэссенцию душой, духом мира, великой творческой силой.

В творчестве особое место занимает интуиция. Мы солидарны с профессором-фантастом И. А. Ефремовым, утверждающим, что как для воображения, так и особенно для точной интуиции необходимо знание множества сопредельных фактов и явлений, широкая энциклопедичность, воспитанная разносторонностью интересов, помноженная на вместительную память⁴.

В книге И. Бродского «Меньше единицы», содержащей размышления о гениальности и пророчестве Ф. М. Достоевского, привлекла внимание фраза: «Наравне с землей, водой, воздухом и огнем – деньги суть пятая стихия, с которой человеку приходится считаться... Ибо лучший способ избежать ошибок в прогнозах на будущее – это взглянуть в него сквозь призму бедности и вины»⁵. Безумное богатство или вопиющая нищета – денежный эквивалент психологии человеческого существования.

Итак, что такое квинтэссенция? Эквивалент психологии человеческого существования? Мера чего? Для нас квинтэссенция – мера педагогического мастерства, божественная сущность и его творческое содержание, пятый элемент, как все высокое, гармоничное, музыкальное без фальши, великая творческая сила и «точная интуиция». Этой божественной сущностью овладевает на протяжении всей своей жизни педагог-мастер.

Любовь к ребенку – святая святых, главный инструмент педагога-профессионала. У В. Франкла в работе «Что есть смысл жизни?» находим уникальное утверждение: «Любовь является единственным способом понять другого человека. Он видит потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Любящий человек заставляет (на наш взгляд, стимулирует) любимого актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет в будущем, он превра-

щает эту потенциальность в истинное»⁶. О том, как получается это в жизни и профессии педагога, мы попытаемся отчасти представить в данной статье.

Раскрывая теоретические основы проблемы квинтэссенции (высшего уровня) педагогического мастерства, мы будем говорить о реализации ведущей идеи нашего исследования – о педагогическом прогнозировании как опережающей педагогической поддержке личностного развития ребенка⁷. Что мы вкладываем в понятие «опережение»? Для нас важно в педагогическом плане понять соотношение событий во времени: как развивался ребенок вчера, как выглядит процесс его развития сегодня, каков оптимальный вариант его развития завтра и насколько готов к участию в его развитии педагог. В нашей опытно-экспериментальной работе суть опережения заключается в том, что успех каждому ребенку обеспечивается организацией обучения и воспитания именно в его зоне ближайшего развития. Ее обнаружение – непростая задача.

Идея квинтэссенции отражается в стратегии и тактике педагогического мастерства, конкретных видах деятельности (классификация причин общего отставания детей в развитии, обучении, воспитании; деятельность психолого-педагогического консилиума; использование своеобразных методов, приемов диагностики, прогнозирования и поддержки личностного развития воспитанников)⁸.

На одном из первых этапов в нашем исследовании проблем педагогического мастерства участие принимали 175 педагогов (классных руководителей, воспитателей школ-интернатов, воспитателей групп продленного дня) на базе института усовершенствования учителей Вологодской области.

В педагогическом инструментарии насчитывается свыше 800 ситуаций индивидуального подхода, однако наиболее часто используются следующие приемы: убеждение, доказательство, аргументация – 12 %, реализация увлечения, дела по душе – 9 %, тактика воспитателя – 8,5 %, положительная коррекция отношений (с товарищами, педагогами, шефами-тьюторами) – 8,5 %, общественное поручение – 8 %, включение в коллективную общественную деятельность – 8 %, поощрение (похвала, поддержка, авансирование доверия) – 7,2 %, включение в трудовые дела, упражнение – 6 %, ласка, доброты, любовь, забота – 5 %, требования, их единство – 5 %, смена обстановки – 4,2 %, соревнование, подведение итогов – 3,8 %,

система мер – 3,6 %, общественное мнение – 2,4 %, пример – 1,8 %, тон общения – 1,8 %, развенчание, осуждение – 1,2 %, информация, юмор, шутка – 1,2 %, приемы самовоспитания, поиск, дискуссия – 0,6 %; наказание не применялось.

Общая картина педагогической инструментальной, с одной стороны, дает представление о разнообразии и богатстве приемов взаимодействия педагогов с детьми, а с другой – показывает, как мы далеки от квинтэссенции (высшего уровня) педагогического мастерства.

Читательские конференции, диспуты, критика и самокритика, здоровое обще-

ственное мнение, поисковая и благотворительная деятельность, программы, личностные комплексные планы, траектории, маршруты индивидуального развития воспитанников (диагностика, прогнозирование и опережающая педагогическая поддержка их личностного развития) – вот перспективный путь в квинтэссенцию педагога-мастера. И вспомним напутствие И. А. Ефремова, что необходимы точная интуиция и знание множества сопредельных фактов и явлений, широкая энциклопедичность, воспитанная разносторонностью интересов, помноженная на вместительную память⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд., испр., доп. М., 1961; Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2001; Философский энциклопедический словарь. М., 1983; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2002.

² См.: Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Ефремов И. А. Лезвие бритвы. М., 1964.

⁵ Бродский И. Меньше единицы. СПб., 2015.

⁶ Франкл В. Что есть смысл жизни? // Психология личности : тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. М., 1982.

⁷ См.: Кевля Ф. И. Теория и практика опережающей педагогической поддержки личностного развития ребенка : дис. ... д-ра пед. наук. Вологда, 2002.

⁸ См.: Она же. Квинтэссенция педагогического мастерства (практико-ориентированная монография). М., 2018.

⁹ См.: Ефремов И. А. Лезвие бритвы.

ENDNOTES

¹ See: Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. 4th edition, revised and supplemented. Moscow, 1961; Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language]. 11th edition, revised and supplemented. Moscow, 2001; *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic dictionary of philosophy]. Moscow, 1983; Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskii slovar'*. *Sovremennaya versiya* [Encyclopedic dictionary. Modern version]. Moscow, 2002.

² See: Aleksandrova Z.E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of synonyms of the Russian language].

³ See: *Ibidem*.

⁴ See: Efreinov I.A. *Lezvie britvy* [Razor's edge]. Moscow, 1964.

⁵ Brodskii I. *Men'she edinitsy* [Less than one]. Saint Petersburg, 2015.

⁶ Frankl V. What is the meaning of life? In: Gippenreiter Yu.B., Puzrey A.A. (Eds.). *Psikhologiya lichnosti: teksty* [Psychology of personality: texts]. Moscow, 1982. (In Russ.).

⁷ See: Kevlya F.I. *Teoriya i praktika operezhayushchei pedagogicheskoi podderzhki lichnostnogo razvitiya rebenka: dis. ... d-ra ped. nauk* [Theory and practice of advanced pedagogical support for the personal development of a child: Doctor of Sciences (Pedagogy) dissertation]. Vologda, 2002.

⁸ See: Kevlya F.I. *Kvintessentsiya pedagogicheskogo masterstva (praktiko-orientirovannaya monografiya)* [The quintessence of pedagogical skill (practice-oriented monograph)]. Moscow, 2018.

⁹ See: Efreinov I.A. *Lezvie britvy* [Razor's edge].

Критерии и показатели оценки результатов деятельности по патриотическому воспитанию студентов средствами фольклора

О. Я. РЕЙМА – старший преподаватель кафедры искусства и образования Института культуры и туризма Вологодского государственного университета

Одной из задач по патриотическому воспитанию в государственных учреждениях высшего образования являются определение и апробация его критериев и показателей. В данной статье представлены критерии и показатели, используемые для анализа и оценки результатов работы по формированию патриотических качеств у студентов в процессе их патриотического воспитания средствами русского фольклора во внеучебной деятельности творческого объединения.

Ключевые слова: патриотическое воспитание; патриотические качества; русский фольклор; критерии и показатели.

5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Для цитирования: Рейма О. Я. Критерии и показатели оценки результатов деятельности по патриотическому воспитанию студентов средствами фольклора. *Все-российский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 10–15.

Criteria and indicators for assessing results on patriotic education of students by means of folklore

O. Ya. REIMA – Senior Lecturer of the Department of Art and Education of the Institute of Culture and Tourism of the Vologda State University

One of the tasks of patriotic education in public institutions of higher education is the definition and testing of its criteria and indicators. This article presents the criteria and indicators used to analyze and evaluate the results of work on the formation of patriotic qualities of students in the process of their patriotic education by means of russian folklore in the extracurricular activities of a creative association.

Key words: patriotic education; patriotic qualities; russian folklore; criteria and indicators.

5.8.7 – Methodology and technology of vocational education.

For citation: Reima O. Ya. Criteria and indicators for assessing results on patriotic education of students by means of folklore. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 10–15.

Сегодня в российской системе высшего образования существует потребность в поиске новых и эффективных направлений, форм, методов и средств патриотического воспитания будущих специалистов. Особое значение воспитанию патриотизма студенческой молодежи придается в учреждениях регионального высшего образования. Так, стратегическая миссия Вологодского государственного университета заключа-

ется в обеспечении экономического, технологического и социально-культурного развития области посредством привлечения и удержания в родном регионе талантливой молодежи, развития у выпускников вуза патриотического отношения к родной земле, готовности жить и трудиться на благо родного города, области, региона¹.

С этой целью при управлении воспитательной и спортивной деятельности вуза

было создано внеучебное фольклорное объединение «Молодежная фольклорно-этнографическая студия», осуществляющее свою работу по дополнительной общеразвивающей программе «Русский фольклор». Внеучебное фольклорное объединение – это студенческая организация, в которой потребность в национальной самоидентификации, социальной активности и саморазвитии удовлетворяется через добровольное участие в экспедиционной и этнокультурной деятельности, изучение традиций русской национальной культуры, практическое освоение разнообразных жанров и форм русского фольклорного наследия. Результатом воспитательной работы является формирование таких патриотических качеств личности, как желание осваивать русский фольклор во всем его многообразии, знание, уважение русской традиционной народной культуры, фольклорного наследия и гордость ими, готовность к этнокультурной деятельности на благо Отечества.

В отечественной педагогической науке оценка эффективности патриотического воспитания реализуется посредством использования разработанных критериев, показателей и методик. Вопросы оценки результативности работы по патриотическому воспитанию освещались в трудах А. Н. Вырщикова, Н. В. Ипполитовой, М. Б. Кусмарцева, В. И. Лутовинова, В. В. Пионтовского, Н. М. Снопко и др. Так, В. И. Лутовиновым была разработана авторская концепция, в которой представлены различные идеи и инициативы по рассматриваемой проблеме². Ученый подчеркивает, что «методологической основой для определения критериев оценки результатов работы по патриотическому воспитанию служит деятельность как процесс формирования патриотизма в сознании, ценностях, действиях, поступках и поведении личности, группы, категории граждан. При этом деятельностная сторона данного процесса, то есть реальные действия и практические дела, выступают критерием и реализованностью сознания (потребностей, интересов, мотивов, целей)»³. А. Н. Вырщиков и М. Б. Кусмарцев выделяют следующие критерии оценки работы по патриотическому воспитанию: знания о действительности в поле патриотизма; опыт подражания патриотической деятельности героев; опыт служения Отечеству; эмоционально-мотивационное отношение к собственной деятельности, детерминированное осознанием интересов

личности, коллектива, общества и государства⁴. Исследователи отмечают, что при всей востребованности методик по оценке эффективности проведения деятельности по воспитанию патриотизма уровень разработанности методологических основ критериев и методик оценки работы по патриотическому воспитанию остается недостаточным.

Для оценивания уровня сформированности патриотических качеств обучающихся на основе использования русского фольклора во внеучебной деятельности нами были разработаны критерии и определены соответствующие им показатели. В состав мотивационно-потребностного критерия входят: эмоционально положительное отношение к фольклорным произведениям, желание приобщаться к народным традициям русской культуры, стремление находиться в фольклорном коллективе. Данные показатели воспитывают интерес и потребность в изучении различных жанров и форм русского фольклора. Формируемое патриотическое качество – желание осваивать русский фольклор во всем его многообразии. В качестве основных показателей когнитивного критерия определены: знание основ русской традиционной народной культуры, региональных этнокультурных традиций; владение умениями и навыками в области фольклорного исполнительства; понимание сущности патриотизма. Обозначенные показатели способствуют получению знания основ русской традиционной народной культуры, овладению навыками фольклорного исполнительства. Формируемые патриотические качества – знание, уважение и гордость русской традиционной народной культурой, фольклорным наследием. Деятельностно-поведенческий критерий включает в себя проявление товарищества и единения в процессе фольклорной коллективной деятельности; владение способами и действиями проведения этнокультурных мероприятий. Данные показатели формируют способность и готовность обучающихся к популяризации русских этнокультурных традиций в современном социуме. Формируемое патриотическое качество – готовность к патриотической и этнокультурной деятельности.

В педагогической литературе при выделении критериев результативности воспитательного процесса используется уровневый подход, фиксирующий последовательность этапов развития личности. В нашем исследовании были выделены три

уровня сформированности патриотических качеств у студентов на основе использования русского фольклора во внеучебной деятельности вуза: недостаточный, средний, высокий. Для студентов с недостаточным уровнем сформированности патриотических качеств характерны равнодушное отношение к фольклорным произведениям, нежелание приобщаться к народным традициям русской культуры, отсутствие стремления находиться в фольклорном коллективе, знаний основ русской традиционной народной культуры, региональных этнокультурных традиций, умений и навыков в области фольклорного исполнительства, непонимание сущности патриотизма, нежелание проявлять чувства товарищества и единения в процессе фольклорной коллективной деятельности, невладение способами и действиями проведения этнокультурных мероприятий. Патриотические качества студентов среднего уровня характеризуются частичными, фрагментарными и неярко выраженными проявлениями; высокий уровень сформированности патриотических качеств у студентов выражен устойчивыми, постоянными и определенными проявлениями показателей.

Диагностическая часть констатирующего этапа опытно-экспериментальной работы (далее – ОЭР) потребовала оценки начального уровня сформированности патриотических качеств у студентов контрольных (КГ) и экспериментальных (ЭГ) групп в соответствии с компонентами патриотического воспитания с помощью специально разработанных анкет, соответствующих показателям выделенных критериев.

Характеризуя ответы респондентов на диагностическом этапе, можно увидеть некоторые общие закономерности. Так, 62,7 % обучающихся высказали мнение о том, что в нашей стране патриотическому воспитанию студентов уделяется недостаточно внимания. 80,4 % опрошенных понимают патриотизм как бескорыстную любовь к Родине и служение своему народу, готовность к самопожертвованию ради его благополучия, 5,9 % респондентов – как преданность по отношению к России как государству, 7,8 % обучающихся – как пропаганду национальных особенностей своего народа и национальное самосознание и лишь 5,9 % затруднились с ответом. Понятие «Родина» многие связывают с территорией проживания родственников. Так, 70,6 % респондентов ответили, что Родина – это место, где жили мои пред-

ки, и лишь 3,9 % – место, где сейчас проживаю, 9,8 % сказали о том, что это Россия как страна в целом, 7,8 % – любое место на Земле, где человек может самореализоваться и достойно зарабатывать, 7,8 % затруднились с ответом. На вопрос «Считаете ли вы себя патриотами?» были получены следующие ответы: только 23,5 % респондентов отнесли себя к патриотам, 41,5 % не всегда считают, что проявляют в жизни патриотические качества, 9,8 % вообще не считают себя таковыми, 15,7 % не до конца понимают значение слова, 9,8 % студентов затруднились ответить. В результате анкетирования было установлено, что большинство респондентов (68,6 %) считают, что патриотизм сегодня можно проявить в добрососедской профессиональной деятельности на благо страны, 11,8 % – участвуя в общественных акциях, митингах, шествиях, а 19,6 % затруднились с ответом.

Вызывает интерес тот факт, что необходимость знания традиций и культуры своего народа патриотом подтвердили 72,5 % обучающихся; 70 % молодых людей считают, что изучение этнокультурных традиций, освоение народной музыки способствуют воспитанию патриотических чувств, а также добрососедских отношений между представителями разных национальностей; около 90 % респондентов полагают, что совместное пение или пляска способствует сплочению людей, а более 80 % представителей русского этноса гордятся своей принадлежностью к нему. Однако при выявлении у студентов уровня знаний основ русской традиционной народной культуры, жанров, видов и форм русского (вологодского) фольклора оказалось, что высокий уровень имеют всего 5 респондентов, средний – 19, а недостаточный – 27.

Анализ ответов обучающихся на вопросы, соответствующие данным мотивационно-потребностного критерия, выявил у современной молодежи интерес и равнодушное отношение к изучению фольклорных традиций русской культуры. Результаты анкетирования показали, что 52,9 % опрошенных хотели бы больше знать о своих корнях, предках, родословной; 45 % респондентов готовы осваивать произведения русской традиционной народной музыки; около 90 % студентов с интересом относятся к культуре и традициям других национальностей и рас. На вопрос «Считаете ли вы увлечение традиционной народной музыкой (фольклором) несовременным?» были получены следующие отве-

ты: «да» – 11,8 %, «скорее да» – 27,5 %, «скорее нет» – 45,1 %, «нет» – 15,7 %.

Оценка студентов по показателям деятельностно-поведенческого критерия выявила, что более 90 % студентов не участвуют в мероприятиях этнокультурной направленности (праздники, конкурсы, фестивали, социально значимые проекты), не занимаются практическим освоением каких-нибудь направлений русской традиционной народной музыки. Блок вопросов был посвящен проживанию в России. На вопрос «Сожалеете ли вы о своем проживании в российском государстве?» были получены такие ответы: «да» – 9,8 %, «скорее да» – 11,8 %, «скорее нет» – 35,3 %, «нет» – 43,1 %. На вопрос «Если бы вам представилась возможность переехать на постоянное местожительство в другое государство, вы бы уехали?» мнения респондентов разделились: скорее всего, уехали бы из России 60 % опрошенных, 40 %, скорее всего, остались бы.

Таким образом, в результате проведенного констатирующего этапа ОЭР было выявлено, что полученные данные в отношении сформированности народно-патриотических качеств в обеих группах практически идентичны: недостаточный уровень сформированности патриотических качеств был выявлен у 19 % молодых людей, вошедших в ЭГ, и у 20 % молодых людей, вошедших в КГ; у 48 % обучающихся ЭГ был обнаружен средний уровень сформированности народно-патриотических качеств, аналогичный уровень был зафиксирован у 50 % обучающихся, вошедших в КГ; высокий уровень был выявлен у 33 % студентов, вошедших в ЭГ, и у 30 % студентов из КГ.

На формирующем этапе построения патриотического воспитания посредством русского фольклора теоретическая модель исследования была воплощена в авторской дополнительной общеразвивающей программе «Русский фольклор» в деятельности внеучебного творческого объединения фольклорной направленности МЭФС ВоГУ. В формирующем этапе ОЭР принял участие 21 человек – студенты 1–3 курсов различных институтов вуза, участники МФЭС.

После осуществления ОЭР было проведено повторное изучение показателей мотивационно-потребностного, когнитивного и деятельностно-поведенческого критериев сформированности патриотических качеств у студентов. Анализ данных по показателям когнитивного критерия выявил, что

наибольшие изменения произошли в понимании важности сохранения национальных традиций в патриотическом воспитании молодежи, знании основ русской традиционной народной культуры, жанров, видов и форм русского фольклора, отношении к подлинным произведениям фольклора. Экспериментальные данные показывают, что как в ЭГ, так и в КГ большинство студентов понимают патриотизм как бескорыстную любовь к Родине, служение своему народу, готовность к самопожертвованию ради его благополучия. После проведения ОЭР у респондентов ЭГ на 23,8 % повысился уровень соотношения патриотизма с национальным самосознанием как механизмом этнической самоидентификации личности, в то время как в КГ данное определение патриотизма получило низкую оценку – всего 6,7 %. В обеих группах был продемонстрирован достаточно высокий уровень убежденности обучающихся о том, что патриот должен знать историю, традиции и культуру своего народа; после ОЭР в ЭГ лишь 4,8 % респондентов считают это неактуальным для современного человека, в КГ – 16,7 %; ни один из опрошенных не высказался отрицательно по данному вопросу, хотя в КГ 6,7 % затруднились с ответом.

Далее мы сравнили данные, полученные в ЭГ и КГ до начала ОЭР и на момент окончания эксперимента. Результаты сравнительного анализа показали, что у студентов, принимающих участие в формирующем эксперименте (вошедших в ЭГ), наблюдается значительный прирост «высокого уровня» знания основ русской традиционной народной культуры, жанров, видов и форм русского (вологодского) фольклора. Итоговая диагностика продемонстрировала, что участники ОЭР, вошедшие в ЭГ и КГ, имеют различные данные: недостаточный уровень сформированности знания основ русской традиционной народной культуры (далее – РТНК) был отмечен у 15 обучающихся, вошедших в КГ, в то время как в ЭГ после проведения целенаправленной деятельности был выявлен только один обучающийся с недостаточным уровнем сформированности знания основ РТНК. Отмечается разница и в количестве опрошенных с высоким уровнем сформированности знания основ РТНК: в ЭГ выявлено 17 человек, в то время как в КГ – всего 3.

Результаты измерения данных потребностно-мотивационного критерия обнаружили в ЭГ улучшение показателей высокого уровня. Анализ статистических данных ОЭР

демонстрирует значительное повышение интереса обучающихся ЭГ к изучению родной культуры, уважительное отношение к народным традициям, фольклорному наследию, желание приносить пользу стране и народу, проявление качеств добрососедства и терпимости к другим народам. У студентов, принимавших участие в формирующем эксперименте, была отмечена востребованность знаний о своих корнях, предках, родословной (85,7 %); готовность к созданию молодежных культурно-просветительских студий, центров, объединений по изучению русской культуры (95,2 %), реализации мероприятий этнокультурной направленности (49,1 %); потребность во введении в общеобразовательных школах занятий по углубленному изучению и освоению русского фольклора (71,4 %). 95,2 % обучающихся высказали мнение о том, что традиционное народное пение не «портит голос», а 98 % респондентов выразили желание углубленно осваивать различные жанры, формы и виды фольклорного творчества. Анализ опросных листов позволил выявить утвердительное мнение участников ЭГ о том, что изучение фольклорных традиций влияет на формирование патриотических качеств человека (76,2 %), освоение русской традиционной народной музыки способствует воспитанию патриотизма (85,7 %), в России существует необходимость патриотического воспитания молодежи (85,7 %).

При повторной проверке результатов измерения показателей деятельности поведенческого критерия, а также по итогам наблюдений и бесед мы выяснили, что студенты ЭГ показали высокий уровень заинтересованности в приобретении практических навыков и умений в области фольклорного исполнительства, этнокультурной и патриотической деятельности. Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что около 80 % респондентов ЭГ рассказывают друзьям о своем увлечении русской традиционной культурой и музыкой.

Около 80 % опрошенных ответили утвердительно на вопрос о своем участии в мероприятиях (праздники, конкурсы, фестивали) по распространению и сохранению национальной культуры, высказали мнение, что не жалеют о своем проживании в России и гордятся принадлежностью к русскому этносу, и лишь 4,8 % студентов выехали бы на постоянное местожительство в другое государство.

В результате ОЭР по патриотическому воспитанию студентов на основе использования разнообразных жанров, видов и форм русского фольклора во внеучебной деятельности творческого объединения по авторской программе «Русский фольклор» были определены показатели сформированности патриотических качеств личности. Одним из них выступает интерес студентов к серьезному изучению народных традиций русской культуры, самобытных этнокультурных традиций Вологодской области, желание осмысленно осваивать подлинные фольклорные первоисточники во внеучебной деятельности. Среди других важных показателей следует выделить позитивную мотивацию к этнокультурной деятельности – потребность находиться в фольклорном коллективе, желание популяризировать фольклорные традиции среди молодежи. Наличие у студентов готовности участвовать в этнокультурных молодежных проектах, высокий уровень инициативности, творческой активности, проявление лидерских задатков также указывают на сформированность патриотических качеств.

Таким образом, применение предложенных нами групп критериев и показателей в целях комплексной оценки работы по патриотическому воспитанию студентов во внеучебной деятельности вуза позволяет наиболее объективно и конкретно оценивать эффективность и результативность работы по повышению уровня сформированности патриотических качеств у студентов посредством изучения и освоения русского фольклора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Программа повышения конкурентоспособности Вологодского государственного университета на 2018–2022 годы. Вологда, 2019. 26 с.

² См.: Лутовинов В. И. Критерии и основы методики оценки результатов работы по патриотическому воспитанию : науч.-исследоват. работа. М., 2006. 69 с.

³ Там же. С. 11.

⁴ См.: Вырщиков А. Н., Кусмарцев М. Б. Патриотическое воспитание молодежи в современном российском обществе : моногр. Волгоград, 2006. С. 78.

ENDNOTES

¹ See: *Programma povysheniya konkurentosposobnosti Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta na 2018–2022 gody* [Program for enhancing the competitiveness of Vologda State University for 2018–2022]. Vologda, 2019. 26 p.

² See: Lutovinov V.I. *Kriterii i osnovy metodiki otsenki rezul'tatov raboty po patrioticheskomu vospitaniyu: nauch. -issledovat. rabota* [Criteria and fundamentals of the methodology for evaluating the results of the work on patriotic education: scientific research work]. Moscow, 2006. 69 p.

³ *Ibidem*. P. 11.

⁴ See: Vyrshchikov A.N., Kusmartsev M.B. *Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v sovremennom rossiiskom obshchestve: monogr.* [Patriotic education of youth in modern Russian society: monograph]. Volgograd, 2006. P. 78.

УДК 159.9

Удовлетворенность профессиональной деятельностью специалиста как необходимое условие эффективности его профессиональной деятельности (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы)

Е. Н. РОЩИНА – магистрант факультета психологии и права ВПЭ ФСИН России

В статье рассматривается удовлетворенность профессиональной деятельностью сотрудников отдела охраны и отдела безопасности. Удовлетворенность профессиональной деятельностью специалиста выступает необходимым условием его эффективности и профессионализации, является одним из основных факторов, способствующих формированию профессиональной мотивации и успешности. Выделены и описаны факторы, обуславливающие удовлетворенность сотрудников уголовно-исполнительной системы профессиональной деятельностью.

Ключевые слова: профессиональная деятельность; удовлетворенность профессиональной деятельностью; профессиональная ответственность.

5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии.

Для цитирования: Рощина Е. Н. Удовлетворенность профессиональной деятельностью специалиста как необходимое условие эффективности его профессиональной деятельности (на примере сотрудников уголовно-исполнительной системы). *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 16–21.

Satisfaction with the professional activity of specialist as a necessary condition for the effectiveness of his professional activity (on the example of employees of the penal system)

E. N. ROSHCHINA – Master's student of the Faculty of Psychology and Law of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the satisfaction with the professional activities of the employees of the safety and security departments. Satisfaction with the professional activity of specialist is a necessary condition for his effectiveness and professionalization, is one of the main factors contributing to the formation of professional motivation system and success. The factors that determine the satisfaction of the employees of the penal system with their professional activities are highlighted and described.

Key words: professional activity; satisfaction with professional activity; professional responsibility.

5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology.

For citation: Roshchina E. N. Satisfaction with the professional activity of specialist as a necessary condition for the effectiveness of his professional activity (on the example of employees of the penal system). *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 16–21.

Трудовая, или профессиональная, деятельность характеризуется как взаимосвязанный, многокомпонентный процесс самореализации и профессионализации специалиста, где итоговым результатом выполняемой им работы является конкретный продукт или услуга, оплачиваемые организацией (работодателем). Помимо материального вознаграждения важными стимулами для сотрудника выступают возможность удовлетворить потребности в уважении и признании, достижение высоких результатов в деятельности и т. д.

Трудовой процесс неразрывно связан с удовлетворенностью специалиста профессиональной деятельностью и сопровождающимися ее условиями. Чем выше уровень удовлетворенности, тем выше качество и ответственность выполняемых функциональных обязанностей, а также эффективность и лояльность сотрудника к организации. При этом необходимо учитывать целый комплекс факторов удовлетворенности избранной профессией, влияющих на эффективность профессиональной деятельности, достижение высоких результатов и успеха, актуализирующих необходимость изучения рассматриваемой темы.

Обращаясь к понятиям удовлетворенности и удовлетворения, важно отметить, что когда потребность у человека удовлетворена, он испытывает состояние удовлетворения, сопровождаемое удовольствием, радостью. Само состояние удовлетворенности в контексте реализуемой деятельности можно определить как позитивное отношение к процессу и результатам самой деятельности, а также ожидание получения положительных эмоций в ближайшей перспективе.

В литературе по психологии труда и психологии профессиональной деятельности встречаются различные варианты определений деятельности и профессиональной деятельности. При этом если понятие деятельности характеризуется избирательной активностью человека, которая направлена на преобразование окружающей действительности, самого себя и создание необходимых условий, то под профессиональной деятельностью понимается социально значимая деятельность, требующая специальных знаний, умений и навыков, а также профессионально обусловленных качеств личности специалиста¹.

Внутренняя готовность и стремление человека выполнять свою работу качественно

и на высоком профессиональном уровне является одним из ключевых факторов успеха функционирования организации. Ориентируясь на свою шкалу системы ценностей, желания, устремления, позитивный мысленный настрой и учитывая при этом нормы и правила, принятые в организации, сотрудник способен усовершенствовать свою деятельность с приданием ей особенного, уникального характера.

Необходимо знать и понимать, что является важным для сотрудника, мотивирует его на выполнение определенного вида деятельности. В отличие от принуждения, требующего постоянного воздействия и контроля, следует так построить управление сотрудником, что он сам будет стремиться выполнять свою работу наилучшим образом и наиболее результативно с точки зрения достижения организацией своих целей.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью – это многоаспектное понятие, отражающее отношение сотрудника к различным сферам избранной профессии. В него входят следующие показатели: объем рабочей нагрузки, условия труда, оплата труда, безопасность работы, статус и престиж работы, отношения между руководством и подчиненными, применяемая организацией политика оценки выполнения работы, варьирование дистанции с коллегами, общие методы руководства, возможности для применения знаний и умений, автономия и ответственность, возможности для профессионального и карьерного роста².

С научной точки зрения понятие «удовлетворенность работой» объясняется как эмоционально окрашенное отношение сотрудника (совокупность эмоциональных реакций) на конкретные ситуации профессиональной деятельности. К показателям удовлетворенности работой можно отнести следующие элементы:

- характер и содержание работы (ее значимость, интенсивность, результаты);
- условия труда;
- уровень заработной платы, система премирования;
- степень престижности работы;
- руководство (стиль управления, система отбора и расстановка кадров, оценка труда, моральное стимулирование);
- возможность построения карьеры и профессиональный рост личности специалиста (его перспективы), повышение в должности и т. д.;
- окружение (коллеги), психологический климат в служебном коллективе.

В настоящее время существует значительное количество подходов к пониманию феномена удовлетворенности трудом. Удовлетворенность интерпретируется как показатель отношения к труду, успешности трудовой деятельности, социального статуса индивида и как мера адаптации к социальной реальности, степень соответствия личностных и материальных факторов профессиональной деятельности, адаптации сотрудника к профессиональной ситуации, характеристика трудовой активности и т. д.

Значительное количество различных определений удовлетворенности трудом, как противоречащих друг другу, так и дополняющих друг друга, может выступать свидетельством сложности рассматриваемой проблемы и ее недостаточной разработанности. Исследования в области организационной психологии указывают на то, что значительная часть теоретических утверждений является следствием изучения теорий мотивации, раскрывающих механизмы этих процессов, однако они до сих пор полностью не разработаны³.

Удовлетворенность профессиональной деятельностью оказывает интенсивное воздействие на эмоции и личностные качества человека по отношению к выполняемой им деятельности. Степень удовлетворенности работой зависит от множества внутренних и внешних факторов. Вместе с тем необходимо отметить, что значительное количество факторов и различная направленность их влияния на сотрудника позволяют выделить восемь характеристик профессиональной деятельности, от которых зависит степень удовлетворенности работой:

– содержание и характер профессиональной деятельности;

- объем выполняемой работы;
- взаимоотношения с коллегами (служебный коллектив);
- состояние рабочего места и его окружение (освещенность, шум, температура воздуха, комфортность и др.);
- оплата труда (уровень заработной платы);
- руководство (стиль управления);
- возможности продвижения по службе;
- распорядок трудового дня, правила поведения и др.⁴

Приведенные выше характеристики являются основными для оценки удовлетворенности профессиональной деятельностью в любой организации. Они могут уточняться или дополняться друг друга в зависимости от характера деятельности организации, особенностей служебного коллектива и т. д.

С учетом актуальности рассматриваемого феномена нами было проведено исследование удовлетворенности профессиональной деятельностью сотрудников отдела охраны и отдела безопасности Костромской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением УФСИН России по Костромской области.

Всего в исследовании приняли участие 40 сотрудников: в экспериментальную группу вошли сотрудники отдела охраны, в контрольную – сотрудники отдела безопасности.

Исследование проводилось с помощью методики определения удовлетворенности трудом (А. В. Батаршев) и опросника «Оценка удовлетворенности работой» (В. А. Розанова).

Проанализируем результаты обеих групп, полученные с использованием методики определения удовлетворенности трудом А. В. Батаршева (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа, полученные по методике определения удовлетворенности трудом А. В. Батаршева

Наименование шкал	Экспериментальная группа (сотрудники отдела охраны), в %	Контрольная группа (сотрудники отдела безопасности), в %	Различия F-критерия Фишера
1	2	3	4
Интерес к работе	51,10	62,20	0,01
Достижения	43,30	48,30	0,05
Взаимоотношения с сотрудниками	54,40	60	0,05
Взаимоотношения с руководством	27,70	14,40	0,01
Уровень притязаний	56,60	40	0,01

1	2	3	4
Предпочтение работы заработку	53,30	36,60	0,01
Удовлетворенность условиями	51,60	43,30	0,05
Профессиональная ответственность	53,30	33,30	0,01
Общая удовлетворенность	49,70	50,40	–

Из табл. 1 видно, что значимые различия в группах респондентов были получены по следующим шкалам: «Интерес к работе», «Достижения», «Взаимоотношения как с сотрудниками, так и с руководством», «Уровень притязаний», «Предпочтение работы заработку», «Удовлетворенность условиями», «Профессиональная ответственность». Так, наибольший интерес к работе на уровне значимых различий ($p \leq 0,01$) проявляют сотрудники отдела безопасности, что может объясняться возможностью непосредственного общения в коллективе (в соответствии с действующими инструкциями и предписаниями в рамках правового поля), более благоприятным социально-психологическим климатом в коллективе сотрудников по сравнению с сотрудниками отдела охраны, а также необходимостью соблюдения требований охраны, надзора и мер безопасности (характерно для обеих групп испытуемых) в связи с несением службы с использованием спецсредств и возможностью их применения в случае необходимости.

Также значимые различия были получены в группах респондентов по шкалам «Достижения» и «Взаимоотношения с сотрудниками» ($p \leq 0,05$), что может свидетельствовать о следующем: ориентированность на достижение высоких результатов в работе и конструктивные взаимоотношения с сотрудниками присутствуют у работников отдела безопасности, что может объясняться определенной стадией зрелости коллектива сотрудников (дружный, сплоченный), имеющих значительный опыт и стаж службы в уголовно-исполнительной системе, высоким уровнем требовательности и ответственности, предъявляемыми к сотрудникам отделов охраны и безопасности, поскольку несение службы связано с использованием оружия и спецсредств и возможным их применением в экстремальных ситуациях, а также влиянием стресс-факторов профессиональной деятельности (монотонность, однообразие выполняемых профессиональных функций и др.).

Значимые различия по шкалам «Взаимоотношения с руководством» и «Уровень притязаний» ($p \leq 0,01$) в наибольшей степени выражены у сотрудников отдела охраны, что может свидетельствовать об удовлетворенности стилем управления, избранным руководством отдела охраны, по сравнению отделом безопасности и стремлением повышать в дальнейшем свой профессиональный уровень. При этом система поощрений, как правило, сведена к минимуму и характеризуется следующими высказываниями сотрудников обеих групп: «Если тебя не наказали (отсутствие наказания), это и есть поощрение»; «Если хочешь, чтобы тебя поощрили, соверши подвиг»; «Я в системе служу уже давно и к наказаниям привык»; «В системе присутствует и доминирует больше “наказательная”, чем “поощрительная” политика, иначе руководитель плохо работает (не дорабатывает)» и т. д.

Также в значительной степени выражены различия в группах по таким показателям, как «Предпочтение работы заработку» ($p \leq 0,01$) и «Удовлетворенность условиями» ($p \leq 0,05$), что может говорить о том, что сотрудники отдела охраны более мотивированы на высокий уровень заработной платы по сравнению с сотрудниками отдела безопасности и в значительной степени удовлетворены условиями профессиональной деятельности ввиду улучшения материальной базы (ремонт служебных помещений, комнат отдыха, создание дополнительных условий (приобретение, оснащение современными средствами охраны, надзора и контроля за различными категориями осужденных) и др.).

Наиболее выражен показатель «Профессиональная ответственность» ($p \leq 0,01$) у сотрудников отдела охраны, что может объясняться стремлением сотрудников проявить себя в рамках профессиональной деятельности с принятием ответственности за конечный результат и обратить на себя внимание со стороны непосредственного руководства с целью дальнейшего профессионального, личностного и карьерного роста.

Далее перейдем к рассмотрению результатов, полученных с использованием мето-

дики удовлетворенности трудом А. В. Розановой, представленных в табл. 2.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа в обеих группах, полученные по методике удовлетворенности трудом А. В. Розановой

Значение утверждений	Значения сотрудников ОО (ЭГ), в %	Значения сотрудников ОБ (КГ), в %	Критерий (F-угловое преобразование Фишера)
Вполне удовлетворены	–	–	–
Удовлетворены	33,3	13,3	0,01
Не вполне удовлетворены	59,9	–	0,01
Не удовлетворены	6,8	86,7	0,01
Крайне не удовлетворены	–	–	–

Из табл. 2 видно, что минимальные значения результатов соответствуют удовлетворенности трудом, средние значения демонстрируют такой вариант ответа, как «Не вполне удовлетворены», максимальные показатели отражают неудовлетворенность трудом. Полученные значимые различия утверждения, касающегося удовлетворенности трудом ($p \leq 0,01$), в значительной степени выражены у сотрудников отдела охраны, что может свидетельствовать о том, что всего лишь треть (33,3 %) сотрудников удовлетворены своей профессиональной деятельностью. Полагаем, что данная тенденция вызвана тем, что сотрудников отдела охраны своя деятельность устраивает по ряду причин: стабильная заработная плата, относительно устойчивый график работы, спокойное отношение и даже в какой-то степени отсутствие интереса к делам учреждения. Значения во второй группе ниже, однако можно предположить, что сотрудники объективно и адекватно оценивают свою деятельность, не скрывают, что существует немало проблем, которые требуют внимания со стороны руководства и сотрудников в целом.

Полученные значимые различия утверждений «Вполне удовлетворены» и «Не удовлетворены трудом» ($p \leq 0,01$) в обеих группах свидетельствуют об общих тенденциях. Это может говорить о том, что в любой организации будут люди, которые не вполне удовлетворены работой, как и те, кто крайне ею не удовлетворен, поскольку недовольные, эмоционально выгоревшие и профессионально деформированные сотрудники, как правило, несмотря на отрицательные высказывания и низкую профессиональную

активность, продолжают служить, провоцируя и создавая конфликты в организации, снижая ее эффективность в целом. В дальнейшем такой сотрудник либо самостоятельно принимает решение уйти из организации, либо вынуждает руководство принять решение о его увольнении в связи с отсутствием лояльности к организации и низкой эффективностью деятельности.

При этом если в отделе преобладает благоприятный социально-психологический климат, то сотрудники, как правило, находятся в состоянии делового, творческого подъема в течение рабочего дня, ощущают чувство групповой сплоченности и взаимовыручки, при этом своевременно и объективно происходит разрешение конфликтных ситуаций.

Основываясь на результатах проведенного исследования, можно сделать вывод о среднем уровне удовлетворенности трудом сотрудников отделения охраны, низком результате по критерию «Взаимоотношения с руководством». По остальным шкалам выявлены показатели с высоким значением, их разброс варьируется от средней до высокой степени удовлетворенности. Основной показатель «Общая удовлетворенность трудом» демонстрирует значение средней степени удовлетворенности. У сотрудников отдела безопасности низкий показатель значения выражен по шкале «Взаимоотношения с руководством». В промежуточных средних показателях выявлены еще три критерия: «Профессиональная ответственность», «Предпочтение работы заработку» и «Уровень притязаний».

Как показали результаты проведенного исследования, сотрудников в большей сте-

пени интересуют материальная стабильность и социальные гарантии, которые им дает служба в УИС. Наибольшую неудовлетворенность у сотрудников вызывают решение социально-бытовых вопросов, взаимодействие служб, взаимоотношения между отделами, условия работы в служебном помещении, система поощрений и наказаний.

Таким образом, важно отметить, что удовлетворенность специалиста своей профессиональной деятельностью выступает

мотивирующим, связующим звеном между внутренней, субъективной позицией сотрудника и внешней, объективной реальностью профессиональных ситуаций и условий, приводящих в конечном итоге к мобилизации внутренних ресурсов личности, а также стабилизации и повышению эмоциональной устойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы к профессиональному стрессу и ситуациям, характеризующимся высокой степенью экстремальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Луговский В. А., Кох М. Н. Психология профессиональной деятельности : учеб.-метод. пособие. Краснодар, 2015. С. 5.

² См.: Вечерин А. В. Субъективные факторы удовлетворенности трудом сотрудников организаций // Психология. Журн. Высш. шк. экономики. 2015. № 2. С. 96–111.

³ См.: Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000.

⁴ См.: Мотивация и стимулирование трудовой деятельности : учеб. / А. Я. Кибанов, И. А. Баткаева, Е. А. Митрофанова, М. В. Ловчева ; под ред. А. Я. Кибанова, М., 2012.

ENDNOTES

¹ See: Lugovskii V.A., Kokh M.N. *Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti: ucheb.-metod. posobie* [Psychology of professional activity: study guide]. Krasnodar, 2015. P. 5.

² See: Vecherin A.V. Subjective factors contributing to work satisfaction among employees of organizations. *Psikhologiya. Zhurn. Vyssh. shk. ekonomiki=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2015, no. 2, pp. 96–111. (In Russ.).

³ See: Il'in E.P. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg, 2000.

⁴ See: Kibanov A.Ya., Batkaeva I.A., Mitrofanova E.A., Lovcheva M.V. *Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti: ucheb.* [Motivation and stimulation of labor activity: textbook]. Moscow, 2012.

Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент

В статье рассмотрена история создания и деятельности специальных лагерей НКВД, выполнявших функцию фильтрации советских военнослужащих и гражданских лиц, прошедших через неприятельский плен или окружение. На основе архивных документов показаны особенности режима и охраны, продовольственного снабжения и медицинского обслуживания, трудового использования и идеологической обработки бывших окруженцев и военнопленных. Автором сделан вывод о том, что параллельно с функцией спецпроверки данные лагеря выполняли роль поставщиков рабочей силы для советской военной экономики, испытывавшей острую нехватку кадров. Лишение свободы и привлечение к принудительному труду, по сути, означали превращение бывших окруженцев и военнопленных в одну из категорий пенитенциарного контингента, что наглядно демонстрирует передача спецлагерей в систему ГУЛАГа. При этом труд узников спецлагерей рассматривался как способ искупления вины за пребывание в плену и оккупации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; специальные лагеря НКВД; проверка; фильтрация; принудительный труд.

5.6.1 – Отечественная история.

Для цитирования: Кузьминых А. Л. Специальные лагеря НКВД в годы Великой Отечественной войны. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 22–32.

Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War

A. L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doc. Sci. (History), Associate Professor

The article examines the history of the creation and operation of special camps of the NKVD, which performed the function of filtering soviet military personnel and civilians who passed through enemy captivity or encirclement. On the basis of archival documents the features of the regime and security, food supply and medical care, labor use and ideological processing of former encircled people and prisoners of war are shown. The author concluded that, in parallel with the function of a special check, these camps played the role of suppliers of labor for the soviet military economy, which was experiencing an acute shortage of personnel. Imprisonment and forced labor, in fact, meant the transformation of the former encircled people and prisoners of war into one of the categories of the penitentiary contingent, which is clearly demonstrated by the transfer of special camps to the GULAG system. At the same time the labor of prisoners of special camps was considered as a way of atonement for being in captivity and occupation.

Key words: the Great Patriotic War; special camps of the NKVD; check; filtration; forced labor

5.6.1 – Domestic history.

For citation: Kuzminykh A. L. Special camps of the NKVD during the Great Patriotic War. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 22–32.

Одним из малоизученных и дискуссионных вопросов истории Великой Отечественной войны является деятельность специальных лагерей НКВД, осуществлявших проверку военнослужащих и гражданских лиц, находившихся во вражеском плену или окружении. Процедура прохождения фильтрации, проводившаяся органами госбезопасности, стала предметом изучения только в постсоветский период, когда был снят гриф секретности с данного комплекса документов. Различные аспекты спецпроверки (фильтрации) исследованы А. В. Латышевым, В. К. Лужеренко, А. Б. Суловым, В. С. Христофоровым и рядом других авторов¹. В данной статье на основе рассекреченных документов центральных и региональных архивов рассмотрен процесс формирования и функционирования системы специальных лагерей НКВД в период Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия, собрав колоссальную армию вторжения общей численностью 5,5 млн чел., вероломно обрушилась на Советский Союз. К октябрю 1941 г. немецко-фашистские войска оккупировали Прибалтику, Украину, Белоруссию, блокировали Ленинград и вышли на подступы к Москве. Обороняясь от превосходящих сил противника, части Красной армии отступали, теряя в ожесточенных боях личный состав, вооружение и технику. Значительные силы оказались в окружении и были пленены. Только в котлах под Белостоком и Минском в немецкий плен попали 323 тыс. советских военнослужащих, под Уманью – 103 тыс. чел., под Смоленском и Рославлем – 348 тыс. чел., под Киевом – 665 тыс. чел., под Керчью – 100 тыс. чел., под Брянском и Вязьмой – 662 тыс. чел. Всего к концу 1941 г. немецкие войска взяли в плен, по разным данным, от 2,5 до 3,3 млн красноармейцев².

Пленение в первые месяцы войны огромного числа советских солдат и командиров, а затем их частичное освобождение в ходе наступательных операций Красной армии в конце 1941 – начале 1942 гг. привели к необходимости создания специальных фильтрационных лагерей. На основании постановления Государственного комитета обороны СССР № 1069сс от 27.12.1941 и приказа НКВД СССР № 001735 от 28.12.1941 «в целях выявления изменников Родине, шпионов и диверсантов среди военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника» были сформированы четыре спецлагеря: Грязовецкий, Южский, Тамбов-

ский и Ново-Анненский³. В первом квартале 1942 г. их количество увеличилось до 26⁴. Еще один спецлагерь был сформирован в третьем квартале 1942 г. Таким образом, всего в 1942 г. были развернуты 27 спецлагерей.

Мероприятия по приему, содержанию и оперативно-чекистскому обслуживанию бывших военнопленных и окруженцев носили межведомственный характер. В армейских тыловых районах были развернуты сборно-пересыльные пункты, откуда бывших красноармейцев направляли в спецлагеря НКВД. Транспортировка контингента от сборно-пересыльных пунктов до спецлагерей возлагалась на Управление военных сообщений РККА, организация и функционирование спецлагерей – на Управление по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, обеспечение спецлагерей продовольствием и обмундированием – на Народный комиссариат обороны. Охрана спецлагерей и конвоирование спецконтингента осуществлялись конвойными войсками НКВД СССР.

Комплектование кадрового состава специальных лагерей производилось путем мобилизации сотрудников из системы ГУЛАГа, призыва через местные военкоматы военнообязанных старших возрастов или ограниченно годных к военной службе, а также приема по вольному найму. Офицерский состав подбирался через отделы кадров НКВД и НКО⁵.

В 1942 г. в связи с сокращением поступления спецконтингента и завершением фильтрационных мероприятий были расформированы 20 спецлагерей. В итоге на начало 1943 г. в распоряжении НКВД СССР оставались 7 спецлагерей. Активные наступательные действия Красной армии зимой 1942–1943 гг. вызвали новый приток бывших окруженцев и военнопленных, для размещения которых в 1943 г. было дополнительно развернуто 13 спецлагерей⁶.

По мере освобождения от немецко-фашистских оккупантов республик и областей СССР органы НКВД проводили мероприятия по выявлению среди населения ранее оккупированных территорий лиц, сотрудничавших с врагом. На основании совместной директивы НКВД/НКГБ № 494/94 от 11.10.1943 направлению в спецлагеря подлежали бывшие полицейские, жандармы, старосты и другие пособники немецких оккупационных властей. Данная категория спецконтингента подлежала изоляции в отдельных лагерных отделениях с усиленным режимом⁷.

На 1 января 1944 г. действовали 14 спецлагерей, рассчитанных на 95 100 мест. К этому времени численность личного состава спецлагерей составляла 3627 чел. (87,9 % от штатной положенности). Руководящий состав спецлагерей был укомплектован на 97 %⁸.

После завершения фильтрации контингента специальные лагеря, как правило, перефилировались в лагеря для содержания иностранных военнопленных. Так, в июне 1942 г. на базе Череповецкого спецлагеря был создан лагерь-распределитель для военнопленных № 158, обслуживавший Карельский и Волховский фронты. Грязовецкий спецлагерь в марте 1943 г. был перефилирован в лагерь для содержания военнопленных офицеров противника⁹.

Режим содержания спецконтингента регламентировала Временная инструкция о порядке содержания в специальных лагерях НКВД бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, введенная в действие приказом

НКВД СССР № 0087 от 13.01.1942. Территория спецлагерей обносилась забором из колючей проволоки, контингенту запрещались выход из зоны, переписка и свидания с родственниками. При этом бывшие красноармейцы сохраняли право на ношение формы, знаков различия и отличия¹⁰.

Поддерживать порядок и дисциплину среди спецконтингента было непросто. В директиве УПВИ НКВД СССР № 28/1/5363 от 04.04.1943 внимание руководства спецлагерей обращалось на нарушение правил внутреннего распорядка, рост побегов проверяемых, фактов их общения с местным населением. Под угрозой предания виновных суду военного трибунала предписывалось прекратить «творящиеся в лагерях безобразия» и искоренить «безответственное отношение отдельных начальников лагерей к охране и режиму содержания спецконтингента»¹¹.

Наиболее типичным нарушением режима в спецлагерях являлись побеги¹², о чем наглядно свидетельствует табл. 1.

Таблица 1

Побеги из спецлагерей НКВД в марте–мае 1943 г.

Месяцы	Всего побегов	Из них:		Количество бежавших	Из них:		
		групповых	одиночных		задержано	убито	в бегах
Март	16	2	14	18	9	–	9
Апрель	32	7	25	46	12	2	32
Май	95	20	75	124	24	1	99
Всего	143	29	114	188	45	3	140

Данные таблицы показывают, что с наступлением теплой погоды количество одиночных и групповых побегов из спецлагерей увеличивалось. Обращает на себя внимание рост численности незадержанных и находящихся в бегах лиц. В целом в 1943 г. из спецлагерей бежали 635 чел., из них было задержано или убито 170 чел. При этом 103 побега были совершены по вине вахтерского состава, 82 – конвойных войск, 48 – охраны хозорганов, 25 побегов совершены расконвоированными, 4 – лицами, находившимися в увольнении или командировке, по остальным 68 побегам данные отсутствуют¹³.

Характерна формулировка из донесения руководства лагеря № 261: «За последнее время особенно участились побеги с сельскохозяйственных работ, потому что спецконтингенты работают почти без охраны, а поэтому отдельные лица, пользуясь таким случаем, уходят домой к своим родным»¹⁴. С целью предупреждения побегов в 1943 г. на прилегающих к лагерям территориях из чис-

ла местного населения были сформированы 298 групп содействия общей численностью 1362 чел.¹⁵

Жилой фонд спецлагерей, как правило, был представлен помещениями барачного типа. К примеру, в Грязовецком спецлагере военнослужащие, проходившие проверку, размещались в двухэтажном кирпичном корпусе бывшего монастыря, четырех деревянных бараках, а также брезентовых палатках, которыми компенсировалась нехватка жилой площади. В Череповецком спецлагере контингент был расселен в каркасно-засыпные и земляные бараки, в которых ранее размещались заключенные. Представители среднего и старшего начальствующего состава располагались на нарах вагонного типа, рядовые и младшие командиры – на сплошных нарах¹⁶.

В 1944 г. восемь спецлагерей (на 67 200 чел.) имели барачный жилой фонд, четыре (на 16 900 чел.) – каменный, два (на 11 тыс. чел.) – земляночный. К этому времени все

жилые помещения, отведенные под общежития, были оборудованы двухъярусными нарами сплошного или вагонного типа; норма жилой площади на человека составляла в среднем 2 кв. м, что соответствовало нормативам НКВД. Лагерные городки имели необходимые подсобные, хозяйственные и административные помещения.

Пребывание в окружении и плену негативно сказывалось на физическом состоянии бывших красноармейцев. Многие из них прибывали в лагеря истощенными и зашивленными, нередко без шинелей и головных уборов, в рваной обуви, что способствовало росту заболеваемости. Самыми распространенными заболеваниями являлись грипп, ангина, пневмония, тиф, фурункулез, чесотка. К примеру, только в Череповецком спецлагере в первом квартале 1942 г. было выявлено 77 случаев сыпного тифа¹⁷. В 1943–1944 гг. в спецлагерях имели место 49 случаев этой опасной болезни¹⁸.

Для предупреждения инфекционных заболеваний проводились карантинные мероприятия, профилактические прививки, регулярные медосмотры. Повышенное внимание уделялось санобработке контингента. Нательное и постельное белье обрабатывалось термическим способом в дезкамерах. Лечебная сеть в спецлагерях включала 56 амбулаторий, 46 лазаретов и изоляторов, 9 зубных кабинетов, 3 лаборатории. В большинстве своем лазареты были оборудованы железными кроватями, реже – нарами. Больные были обеспечены постельными принадлежностями, нательным бельем и медикаментами. В случае необходимости пациенты направлялись для лечения и диагностики в военные госпитали или гражданские больницы¹⁹.

Несмотря на усилия медицинских работников, в лагерях имела место смертность. С января 1942 г. по март 1944 г. в спецлагерях умерли 1799 чел. (0,6 % от общего числа спецконтингента). Причинами смертности являлись: туберкулез – 25 %, воспаление легких – 23 %, производственный травматизм – 18 %, дистрофия и авитаминозы – 16 %, сердечные заболевания – 7 %, прочие заболевания – 11 %²⁰. Высокий процент смертности от туберкулеза и пневмонии объяснялся снижением сопротивляемости организма из-за перенесенных лишений во время нахождения в неприятельском плену или окружении, а также сложностью лечения данных заболеваний.

Другой проблемой организации жизнеобеспечения спецлагерей являлось

снабжение продуктами питания и вещевым довольствием. В директиве Наркомата обороны СССР № 29/4739 от 31.03.1942 отмечалось, что военные советы округов (фронтов) и начальники управлений НКО не уделяют достаточного внимания вопросам материального обеспечения спецлагерей. В результате имели место систематические перебои в снабжении и отсутствовали нормальные бытовые условия для размещения спецконтингента. В связи с этим предписывалось назначить ответственных лиц за жилищно-коммунальное и бытовое обеспечение лагерей, обследовать их совместно с представителями НКВД с целью установления необходимых мероприятий по улучшению бытовых условий бывших военнослужащих «без значительных материальных затрат для государства»²¹.

Продовольственное снабжение военнослужащих, проходивших фильтрацию, напрямую зависело от состояния их здоровья и трудоспособности. Неработающие лица питались по основной норме (2100–2400 ккал), занятые на тяжелых физических работах получали повышенный рацион (от 3000 до 3300 ккал). Основная норма питания включала 600–700 г хлеба, 10 г муки, 100 г крупы, 10 г макарон, 75 г мяса, 100 г рыбы, 20 г сала, 20 г масла, 20 г сахара, 320 г овощей, 600 г картофеля, а также чай, соль, томат-пасту, лавровый лист, перец, уксус и горчичный порошок. Горячая пища выдавалась два раза в день. Кроме того, хозорганы, использовавшие труд спецконтингента, выделяли дополнительные продукты. В некоторых лагерях были открыты ларьки для продажи предметов ширпотреба.

Спецлагеря снабжались продовольствием с ближайших окружных фронтовых продовольственных складов. Для обеспечения контингента сельскохозяйственной продукцией предлагалось через местные органы власти оформить земельные участки для обустройства подсобных хозяйств, а затем произвести посев зерновых культур, овощей и корнеплодов «в количествах, удовлетворяющих текущую потребность лагерей». С целью сокращения расхода государственных средств на снабжение контингента в спецлагерях формировались рыболовецкие команды²².

В 1943 г. подсобные хозяйства имелись в семи лагерях; общая посевная площадь составляла 727 га, в том числе 252 га картофеля и 134 га других овощей. В 1944 г. каждый лагерь имел свое подсобное хозяйство; общая посевная площадь увеличилась

до 3268 га, в том числе 1496 га картофеля и 848 га других овощей²³.

В условиях дефицита материальных ресурсов выдача одежды и обуви контингенту производилась в случае отсутствия или полной непригодности обмундирования. Для этого окружные и фронтовые интенданты выделяли спецлагерям обмундирование третьей категории, то есть бывшее в употреблении и требовавшее ремонта, в том числе ватные куртки или телогрейки, хлопчатобумажные шаровары, головные уборы, ботинки с обмотками, портянки и т. п. При отсутствии на складах одежды и обуви воинского образца разрешалась выдача «предметов обмундирования гражданского покроя»²⁴.

Постельное белье отпускалось старшему и высшему начальствующему составу по одному комплекту, младшему начальствующему и рядовому составу – по две тюфячных наволочки на 3 чел., одно одеяло, одна верхняя подушечная наволочка, одна нижняя подушечная наволочка на человека. Для пошива и ремонта обмундирования в лагерях создавались ремонтные мастерские.

В соответствии с решениями Государственного комитета обороны бывшие военнослужащие использовались главным образом в угольной промышленности, на восстановлении разрушенных и строительстве новых предприятий²⁵. Трудовое использование контингента осуществлялось в соответствии с установленной в ходе медицинского комиссования категорией трудоспособности. Продолжительность рабочего дня составляла восемь часов при четырех выходных днях в месяц. При этом на некоторых предприятиях оборонного значения рабочий день достигал 10–11 часов. Бывшие военнослужащие получали 50 % от заработанных ими сумм, остальные 50 % шли на возмещение расходов по их содержанию. В случае производственной необходимости лица, прошедшие проверку, оставались в лагерях и использовались на работе на оборонных предприятиях.

В 1942 г. производственный профиль имели четыре лагеря, которые выделяли рабочую силу на восстановление шахт и добычу угля в Подмосковном угольном бассейне и комбинату «Ростовуголь», на строительство железной дороги Камышин – Иловая, а также заводу № 460 Наркомата боеприпасов в г. Подольске.

В 1943 г. на производство выводилось 84 % контингента. Для характеристики состояния трудового фонда приведем данные по Подмосковному лагерю № 283. На

22 сентября 1943 г. в лагере содержалось 21 442 чел., в том числе: группа «А» (работающие) – 17 479 (81,6 % к списочному составу), группа «Б» (лагерная обслуга) – 1325 (6,2 %), группа «В» (больные, временно освобожденные) – 1335 (6,2 %), группа «Г» (гауптвахта и прочее) – 159 (0,7 %), неработающие инвалиды – 758 (3,5 %), неработающий средний и высший начсостав – 386 (1,8 %)²⁶.

Более половины от общей численности контингента спецлагерей было занято в угольной промышленности, в том числе в Подмосковном, Кизеловском и Донецком угольных бассейнах. Около тысячи человек работали на добыче угля на Крайнем Севере – в Воркутинском ИТЛ. Треть контингента использовалась в строительстве: на работах по восстановлению промышленных предприятий, разрушенных немецкими оккупантами (Сталинградском и Харьковском тракторных заводах, Сталиногорском химкомбинате и т. п.), на строительстве новых предприятий (бромного завода в Славгороде в Алтайском крае и реконструкции содового завода в Березниках Молотовской области).

Часть бывших военнослужащих использовалась на заводах по производству боеприпасов и вооружений. Так, на заводе № 88 Наркомата вооружения они составляли 39,2 % рабочей силы, на заводе № 460 – 50,6 %²⁷. К примеру, в отчетной документации по трудовому использованию спецконтингента лагеря № 0201 НКВД, обслуживавшего рабочей силой завод № 711 Наркомата минометного вооружения, отмечалось, что в основных цехах (литейных, механических по обработке корпуса мин и электросварке крылышек стабилизаторов) удельный вес рабочей силы из числа спецконтингента составлял 48 %. При этом на основных профессиях и по ведущим операциям в литейных цехах удельный вес спецконтингента был еще выше – 60–70 %. По решению пленума заводского комитета 143 рабочим из числа лагерников были выданы грамоты «Отличник военного времени»²⁸. За труд спецконтингента на предприятиях хозорганов в 1943 г. было получено свыше 135 млн руб., которые поступили в доход государства²⁹.

В процессе производства большинство бывших военнослужащих приобрели новые профессии и квалификации: кузнец, слесарь, строитель, токарь, шахтер и т. п. Помимо выделения рабочей силы хозорганам часть контингента использовалась на внутрилагерных работах: изготовлении хозяй-

ственного инвентаря, заготовке дров, пошиве и ремонте одежды и обуви, в подсобных хозяйствах.

Данные по выполнению норм выработки спецконтингентом в 1943–1944 гг.³⁰ представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выполнение норм выработки контингентом спецлагерей в 1943–1944 гг.

Процент выполнения норм выработки	1943 г.	1944 г.
До 50 %	11,0 %	9,6 %
От 50 до 80 %	17,6 %	16,7 %
От 80 до 100 %	22,5 %	24,6 %
От 101 до 125 %	33,3 %	29,8 %
От 126 до 150 %	10,4 %	12,4 %
Свыше 150 %	5,2 %	6,9 %

Данные таблицы свидетельствуют о том, что около половины бывших военнослужащих выполняли и перевыполняли нормы выработки. При этом производительность труда выросла с 96,4 % в 1943 г. до 107,3 % в июне 1944 г., а выработка на один человекодень – с 19 руб. 97 коп. до 22 руб. 60 коп. соответственно³¹.

В 1944 г. было организовано социалистическое соревнование спецлагерей НКВД, направленное на увеличение угледобычи и производства боеприпасов и вооружений. Одновременно было учреждено переходящее Красное знамя для лучшего производственного коллектива из спецлагерей. Среди бывших военнослужащих имелись настоящие ударники и стахановцы. Так, за-

бойщик Остроухов 6 октября 1943 г. выполнил производственную норму на 800 % за смену³². Благодаря использованию труда спецконтингента ряд предприятий завоевали первые места во Всесоюзном социалистическом соревновании.

На 1 марта 1944 г. на объекты хозорганов выводилось 69 744 чел., из них использовались: в угольной промышленности – 43 146 чел., в строительной – 17 447 чел., на производстве боеприпасов – 3066 чел., производстве вооружения – 2251 чел., добыче бокситов – 2438 чел., на разных работах – 1396 чел.³³ Данные по численности контингента спецлагерей НКВД на 1 марта 1944 г.³⁴ представлены в табл. 3.

Таблица 3

Численность контингента спецлагерей НКВД, занятого на производстве и строительстве, на 1 марта 1944 г.

Сфера производства или строительства, предприятие и обслуживавший его спецлагерь	Количество спецконтингента (чел.)
1	2
Угледобыча, шахтное и жилищное строительство в угольных бассейнах	
Комбинат «Москвауголь» (Угольный лагерь № 283)	11 003
Трест «Сталиногоркшахтострой» (Угольный лагерь № 283)	1659
Трест «Мосбаспромжилстрой» (Угольный лагерь № 283)	757
ОМСЧ «Метростроя» (Угольный лагерь № 283)	989
Комбинат «Тулауголь» (Тульский лагерь № 0308)	5367
ОСМЧ-1 Наркомстроя (Угольный лагерь № 283)	976
Комбинат «Сталиноуголь» (Петровский лагерь № 240)	11 651
Комбинат «Ростовуголь» (Шахтинский лагерь № 048)	6891
Трест «Молотовуголь» (Березниковский лагерь № 0302)	7401
Воркутлаг НКВД	923
Итого	47 617
Производство вооружений	
Завод № 221 в Сталинграде (лагерь № 0108 в Сталинграде)	1184
Завод № 88 в Подлипках (Подлипкинский лагерь № 0303)	1546

1	2
Завод № 172 в Молотове (Березниковский лагерь № 0302)	705
Итого	3435
Производство боеприпасов	
Завод № 460 в Подольске (Подольский лагерь № 174)	1192
Завод № 711 в Люберцах (Люберецкий лагерь № 0201)	1874
Итого	3066
Строительство химической промышленности	
Сталиногорский химкомбинат (Угольный лагерь № 283)	3233
Содовый завод № 761 в Березниках (Березниковский лагерь № 0302)	1359
Бромный завод в Славгороде (Славгородский лагерь № 0301)	641
Итого	5233
Строительство и восстановление автотракторной и танковой промышленности	
Восстановление Сталинградского тракторного завода (лагерь № 108 в Сталинграде)	2451
Восстановление Харьковского тракторного завода	2423
Итого	4874
Котлостроение	
Завод «Красный котельщик» в Подольске (Подольский лагерь № 174)	550
Фанерное производство для авиации	
Соликамский НКВД (Кизеловский лагерь № 241)	645
Строительство предприятий черной металлургии	
Тагилстрой НКВД (Тагильский лагерь № 153)	168
Добыча руды для цветной металлургии	
Северо-Уральские бокситовые рудники (Северо-Уральский лагерь № 0305)	2438
Восстановление гидроэлектростанций	
Сталиногорская ГРЭС Московской области (Угольный лагерь № 283)	1000
Каменская ГРЭС (организуется новое отделение на 1500 чел.)	–
Итого	1000
Восстановление паровозостроительных заводов	
Организован новый лагерь в Бедице на 5000 чел.	–
Жилищное строительство	
Строительство дома хозяйственного управления НКВД в Москве (Подольский лагерь № 174)	488
Строительство жилого поселка Наркомата обороны в Звенигороде (Подольский лагерь № 174)	169
Итого	657
Сельскохозяйственные работы	
Управление военного снабжения НКВД (Подольский лагерь № 174)	201
Всего	69 884

Со спецконтингентом проводилась политическая работа, направленная на укрепление воинской дисциплины, поднятие морального настроения, борьбу с аморальными поступками, выполнение производственных планов. Другой задачей политработы было

оказание практической помощи органам НКВД и Смерш в выявлении вражеской агентуры и нацистских пособников. В основу политработы был положен тезис И. В. Сталина о том, что «иностранный разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вре-

дителей», поэтому нужно «помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа»³⁵.

В план политзанятий включались следующие темы: «Военная присяга на верность народу», «Боевой приказ – закон», «Нечестность – преступление перед Родиной», «Герои Красной армии – образец выполнения священного долга перед Родиной». Для проведения пропагандистской работы формировались коллективы и бригады агитаторов. Характерным в настроении бывших военнослужащих было стремление как можно скорее вернуться в действующую армию.

Методы и формы политработы были разнообразными. Так, в спецлагере № 283 в 1943 г. было проведено 219 собраний, 119 митингов, 157 производственных совещаний, 1250 политбесед, 2442 политинформации, 8269 коллективных чтений газет, 146 вечеров самодеятельности, 215 докладов, 943 киносеанса, подготовлено 334 стенгазеты³⁶.

Другим важным направлением работы со спецконтингентом были оперативные мероприятия, проводимые сотрудниками особых отделений лагерей. На каждого проверяемого заполнялась анкета установленного образца, уточнялись биографические данные. Среди бывших военнослужащих работали осведомители и агенты, которые по заданию оперативных работников изучали контингент, выявляя лиц, сотрудничавших с врагом, и сотрудников немецкой разведки. Параллельно с этим проводились допросы бывших военнослужащих, в ходе которых им задавались вопросы о поведении в плену или на оккупированной территории. Полученные показания проверялись и сопоставлялись между собой, после чего военнослужащие освобождались из лагерей и направлялись в местные райвоенкоматы. Подозреваемых в предательстве и измене подвергали аресту, а дела на них направляли на рассмотрение военных трибуналов или Особого совещания НКВД СССР³⁷.

Имеющиеся в нашем распоряжении документы позволяют говорить о том, что большинство военнослужащих успешно проходили фильтрацию. К примеру, за период деятельности Череповецкого спецлагеря через его бараки прошли 5653 чел., из них были переданы в районный военкомат 4077 чел. (72,1 %), арестованы – 358 (6,3 %), умерли – 29 (0,5 %), бежали – 4 (0,1 %), переданы в Грязовецкий спецлагерь – 1152 (20,4 %), оставлены в лагере для выполнения хозяйственных работ – 33 (0,6 %)³⁸. Ана-

логичным образом обстояла ситуация в Грязовецком спецлагере. На 31 марта 1942 г. в нем содержались 3992 военнослужащих, из них прошли фильтрацию 3827 чел. (95,8 %), 62 чел. (1,6 %) были арестованы, 3765 чел. (98,4 %) переданы райвоенкомату³⁹.

В целом на 1 июля 1944 г. в спецлагеря поступило 375 368 военнослужащих Красной армии, побывавших в плену или окружении, в том числе в 1942 г. – 172 081 чел. (45,8 %), в 1943 г. – 127 628 чел. (34,0 %), в первом полугодии 1944 г. – 75 659 чел. (20,2 %), из них: бывших военнослужащих, находившихся в плену или окружении противника, – 328 365 чел. (87,5 %), полицейских, старост и других пособников оккупационных властей – 25 571 чел. (6,8 %), гражданских лиц призывного возраста, находившихся на территории, занятой противником, – 21 432 чел. (5,7 %). За этот же период из спецлагерей убыло 283 789 чел. По результатам спецпроверки были переданы райвоенкоматам для последующего направления в Красную армию 233 887 чел. (62,3 % от общего контингента спецлагерей), на формирование штурмовых батальонов – 12 808 (3,4 %), в постоянные кадры оборонной промышленности – 20 284 (5,4 %), арестованы и осуждены – 11 658 (3,1 %). Таким образом, большинство красноармейцев благополучно проходили спецпроверку⁴⁰.

На 1 июля 1944 г. в спецлагерях содержалось 91 579 чел., среди них: 49 368 бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и в окружении противника, в том числе 4654 офицера; 24 374 полицейских, старост и других пособников оккупационных властей; 17 837 гражданских лиц призывного возраста, находившихся на территории, занятой противником⁴¹.

19 июля 1944 г. вышел приказ НКВД № 0149 «О передаче спецлагерей в ведение ГУЛАГа НКВД», выведивший спецлагеря из подчинения УПВИ НКВД. Заместителем начальника ГУЛАГа по спецлагерям НКВД был назначен полковник государственной безопасности Г. М. Грановский, ранее работавший начальником отдела учета и распределения заключенных ГУЛАГа. Однако в качестве подразделения ГУЛАГа отдел спецлагерей просуществовал недолго. 28 августа 1944 г. приказом № 001063 на его базе был образован отдел спецлагерей НКВД СССР, в ведение которого входила организация проверки и содержания возвращавшихся из плена советских граждан. Начальником отдела был назначен бывший заместитель начальника УНКВД по Москов-

ской области полковник государственной безопасности Н. И. Шитиков.

Приказом НКВД СССР № 00100 от 20.02.1945 спецлагеря были переименованы в проверочно-фильтрационные лагеря (ПФЛ), а отдел спецлагерей НКВД СССР – в отдел проверочно-фильтрационных лагерей (ОПФЛ НКВД СССР) во главе с комиссаром государственной безопасности Н. И. Шитиковым. 22 января 1946 г. ОПФЛ НКВД СССР был расформирован, а его функции переданы ГУЛАГу. В составе последнего Управление ПФЛ просуществовало до 1947 г.⁴²

Всего, по оценке А. В. Латышева, с января 1942 г. по 1 марта 1946 г. в специальные и проверочно-фильтрационные лагеря было направлено 652 тыс. чел. При этом, как отмечает исследователь, система фильтрации не сводилась исключительно к специальным и проверочно-фильтрационным лагерям и осуществлялась органами НКВД-НКГБ и контрразведки Смерш в гораздо более широких организационных рамках⁴³. К примеру, за период с 1 мая 1945 г. по 1 февраля 1946 г. фронтовыми и армейскими сборными пересыльными пунктами после процедуры проверки на постоянное место жительства было направлено 2 026 778 репатриированных советских граждан, в том числе 767 776 мужчин, 972 557 женщин и 286 445 детей⁴⁴.

В послевоенный период проверочно-фильтрационные мероприятия продолжались. При этом наибольшее внимание уделялось выявлению советских военнослужащих и гражданских лиц, служивших в вооруженных силах противника, карательных или разведывательных органах, оккупационной администрации. В соответствии с постановлением СНК СССР № 2678–735с от 22.10.1945 бывшие офицеры Красной армии, находившиеся в плену и служившие в немецких строевых формированиях, лишались офицерского звания и подлежали направлению на спецпоселение⁴⁵.

МВД СССР директивой № 97 от 20.04.1946 предписало завершить проверку репатри-

антов, служивших в немецких формированиях, и оформление их перевода на спецпоселение к 1 июля 1946 г. Данной категории лиц следовало объявить, что они за службу в немецкой армии переводятся на спецпоселение сроком на 6 лет и временно остаются на работах с зачетом срока спецпоселения с момента вынесения постановления о переводе на спецпоселение. При этом им разъяснялось, что «за измену Родине они должны нести более суровое наказание, но в связи с Победой над Германией, Советское правительство по отношению к ним сделало снисхождение, ограничившись переводом на спецпоселение»⁴⁶. За отказ от работы, нарушение лагерного режима спецпоселенцев предписывалось привлекать к уголовной ответственности и предавать суду военного трибунала.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в период Великой Отечественной войны система мест заключения НКВД пополнилась специальными лагерями, на которые была возложена задача по фильтрации военнослужащих и гражданских лиц, побывавших во вражеском плену или окружении. Параллельно с функцией спецпроверки данные лагеря выполняли роль поставщиков рабочей силы для советской военной экономики, испытывавшей острую нехватку кадров. Это наглядно демонстрирует практика закрепления лиц, прошедших спецпроверку, за предприятиями, на которых они работали, а также направления на спецпоселение, как правило, в угледобывающие районы страны лиц, в отношении которых был доказан факт их сотрудничества с врагом.

Лишение свободы и привлечение к принудительному труду, по сути, означали превращение бывших окруженцев и военнопленных в одну из категорий пенитенциарного контингента, что наглядно демонстрирует передача спецлагерей в систему ГУЛАГа. При этом труд узников спецлагерей рассматривался как способ искупления вины за пребывание в плену и оккупации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017; Лужеренко В. К. После плена // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 188–194; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермской области, 1929–1953 гг. М., 2010; Христофоров В. С. Органы государственной безопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011; Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника // Рос. история. 2010. № 3. С. 48–53.

² См.: Штрайт К. Они нам не товарищи: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 87; Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы в советской России. Екатеринбург, 1997. С. 167.

³ См.: Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УМВД России по ВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. Л. 274–276; Коначов В. Б., Акиньев Г. А., Судаков В. В. На стыке

фронта и тыла : материалы к вуз. спецкурсу и школьн. факультативу «Вологодская область в годы Великой Отечественной войны». Вологда, 1999. С. 31–34.

⁴ См.: История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. : в 7 т. / отв. ред. и сост. Н. В. Петров ; отв. сост. Н. И. Владимирцев. М., 2004. Т. 2. Карательная система: структура и кадры. С. 215–216.

⁵ См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 123–124.

⁶ См.: Там же. Л. 119.

⁷ См.: Там же. Л. 119–120.

⁸ См.: Там же. Л. 123.

⁹ См.: Кузьминых А. Л., Старостин С. И., Сычев А. Б. «Теперь я прибыл на край света...» : в 2 т. Вологда, 2009. Т. 1: Из истории учреждений для содержания иностранных военнопленных и интернированных Вологодской области (1939–1949) : очерки и документы. С. 51, 310.

¹⁰ См.: Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 431. Л. 12, 31; Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных // История пенитенциарной системы России в XX веке : сб. материалов междунар. науч. семинара. Вологда, 2007. С. 68.

¹¹ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 13–14.

¹² См.: Там же. Л. 30.

¹³ См.: Там же. Л. 43.

¹⁴ См.: Там же. Л. 44.

¹⁵ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 128.

¹⁶ См.: Там же. Л. 4.

¹⁷ См.: Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Вологодской области (далее – Архив УФСБ РФ по ВО). Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 4. Л. 132.

¹⁸ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 125.

¹⁹ См.: Там же. Л. 126.

²⁰ См.: Там же. Л. 142.

²¹ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 1.

²² См.: Там же. Л. 2.

²³ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 128.

²⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1а. Д. 1382. Л. 2.

²⁵ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 151.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1204. Л. 42–42об.

²⁷ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 131–133.

²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1204. Л. 55.

²⁹ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 134–135.

³⁰ См.: Там же. Л. 151.

³¹ См.: Там же.

³² См.: Там же. Л. 139.

³³ См.: Там же. Л. 135.

³⁴ См.: Там же. Л. 147–149.

³⁵ См.: Там же. Л. 136.

³⁶ См.: Там же. Л. 139.

³⁷ См.: Кузьминых А. Л., Старостин С. И. Спецлагеря для бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника.

³⁸ См.: Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 1пх. Оп. 5. П. 2. Д. 70. Л. 151.

³⁹ См.: Там же. Ф. 3пх. Оп. 26. Д. 4. Л. 55.

⁴⁰ См.: РГВА. Ф. 1п. Оп. 23а. Д. 2. Л. 150.

⁴¹ См.: Там же. Л. 152.

⁴² См.: Бичехвост А. Ф. К истории создания и функционирования специальных лагерей для советских военнопленных; Архив УМВД России по ВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 463. Д. 130–130об.; Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы / сост. М. М. Загорулько, С. Г. Сидоров, Т. В. Царевская ; под ред. М. М. Загорулько. М., 2000. С. 122–123.

⁴³ См.: Латышев А. В. Система проверки военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена и окружения: 1941–1945 гг. С. 16.

⁴⁴ См.: ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1225. Л. 23–25.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 58.

⁴⁶ См.: Там же. Д. 1226. Л. 42.

ENDNOTES

¹ See: Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi Armii, vernuvshikhsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The system for checking Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945: Candidate of Sciences (History) dissertation abstract]. Moscow, 2017; Luzherenko V.K. After captivity. In: *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voenna-istoricheskie ocherki. Kniga chetvertaya. Narod i voina* [The Great Patriotic War. 1941–1945. Military-historical essays. Book four. The people and the war]. Moscow, 1999. Pp. 188–194; Suslov A.V. *Spetskontingent v Permskoi oblasti, 1929–1953 gg.* [Prisoners in the Perm Oblast, 1929–1953]. Moscow, 2010; Khristoforov V.S. *Organy gosudarstvennoi bezopasnosti SSSR v 1941–1945 gg.* [State security bodies of the USSR in 1941–1945]. Moscow, 2011; Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. Special camps for former servicemen of the Red Army who had been in captivity and surrounded by the enemy. *Ros. istoriya=Russian History*, 2010, no. 3, pp. 48–53. (In Russ.).

² See: Shtrait K. *Oni nam ne tovarishchi: Vermakht i sovetskie voennoplennye v 1941–1945 gg.* [They are not our comrades: The Wehrmacht and Soviet prisoners of war in 1941–1945]. Moscow, 2009. P. 87; Smykalin A.S. *Kolonii i tyur'my v sovetskoj Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia]. Yekaterinburg, 1997. P. 167.

³ See: *Arkhiv Upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossijskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti (dalee – Arkhiv UMVD Rossii po VO)* [Archive of the Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Vologda Oblast (hereinafter – Archive of the UMVD of Russia for the VO)]. F. 6. Op. 1. D. 415. L. 274–276; Konasov V.B., Akin'khov G.A., Sudakov V.V. *Na styke fronta i tyła: materialy k vuz. spetskursu i shkol'n. fakul'tativu "Vologodskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny"* [At the junction of the front and rear: materials for the university special course and school elective course "Vologda Oblast during the Great Patriotic War"]. Vologda, 1999. Pp. 31–34.

- ⁴ See: Petrov N.V. (Ed.). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: sobr. dok.: v 7 t. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry* [The History of the Stalinist Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents: in 7 vols. Vol. 2. Penal system: structure and personnel]. Moscow, 2004. Pp. 215–216.
- ⁵ See: *Rossiiskii gosudarstvennyi voennyi arkhiv (dalee – RGVA)* [Russian State Military Archive (hereinafter – RSMA)]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 123–124.
- ⁶ See: *Ibidem.* L. 119.
- ⁷ See: *Ibidem.* L. 119–120.
- ⁸ See: *Ibidem.* L. 123.
- ⁹ See: Kuz'minykh A.L., Starostin S.I., Sychev A.B. "Teper' ya pribyl na krai sveta...": v 2 t. T. 1: *Iz istorii uchrezhdenii dlya sodержaniya inostrannykh voennoplennykh i internirovannykh Vologodskoi oblasti (1939–1949): ocherki i dokumenty* ["Now I arrived at the edge of the world...": in 2 vols. Vol. 1: From the history of institutions for the detention of foreign prisoners of war and internees of the Vologda Oblast (1939–1949): essays and documents.]. Vologda, 2009. Pp. 51, 310.
- ¹⁰ See: *Arkhiv UMVD Rossii po VO* [Archive of the UMVD of Russia for the VO]. F. 6. Op. 1. D. 431. L. 12, 31; Bichekhvost A.F. Revisiting the history of the establishment and functioning of special camps for Soviet prisoners of war. In: *Istoriya penitentsiarnoi sistemy Rossii v XX veke: sb. materialov mezhdunar. nauch. seminarov* [History of the penitentiary system of Russia in the twentieth century: proceedings of the international research workshop]. Vologda, 2007. P. 68. (In Russ.).
- ¹¹ See: *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (dalee – GARF)* [State archive of the Russian Federation (hereinafter – SARF)]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 13–14.
- ¹² See: *Ibidem.* L. 30.
- ¹³ See: *Ibidem.* L. 43.
- ¹⁴ See: *Ibidem.* L. 44.
- ¹⁵ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 128.
- ¹⁶ See: *Ibidem.* L. 4.
- ¹⁷ See: *Arkhiv Upravleniya Federal'noi sluzhby bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii po Vologodskoi oblasti (dalee – Arkhiv UFSB RF po VO)* [Archive of the Directorate of the Federal Security Service of the Russian Federation in the Vologda Oblast (hereinafter – Archive of the UFSB RF in the VO)]. F. 3pkh. Op. 26. D. 4. L. 132.
- ¹⁸ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 125.
- ¹⁹ See: *Ibidem.* L. 126.
- ²⁰ See: *Ibidem.* L. 142.
- ²¹ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 1.
- ²² See: *Ibidem.* L. 2.
- ²³ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 128.
- ²⁴ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1a. D. 1382. L. 2.
- ²⁵ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 151.
- ²⁶ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1204. L. 42–42ob.
- ²⁷ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 131–133.
- ²⁸ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1204. L. 55.
- ²⁹ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 134–135.
- ³⁰ See: *Ibidem.* L. 151.
- ³¹ See: *Ibidem.*
- ³² See: *Ibidem.* L. 139.
- ³³ See: *Ibidem.* L. 135.
- ³⁴ See: *Ibidem.* L. 147–149.
- ³⁵ See: *Ibidem.* L. 136.
- ³⁶ See: *Ibidem.* L. 139.
- ³⁷ See: Kuz'minykh A.L., Starostin S.I. *Special camps for former servicemen of the Red Army who had been in captivity and surrounded by the enemy.*
- ³⁸ See: *Arkhiv UFSB RF po VO*. F. 1pkh. Op. 5. P. 2. D. 70. L. 151.
- ³⁹ See: *Ibidem.* F. 3pkh. Op. 26. D. 4. L. 55.
- ⁴⁰ See: *RGVA* [RSMA]. F. 1p. Op. 23a. D. 2. L. 150.
- ⁴¹ See: *Ibidem.* L. 152.
- ⁴² See: Bichekhvost A.F. *Revisiting the history of the establishment and functioning of special camps for Soviet prisoners of war; Arkhiv UMVD Rossii po VO* [Archive of the UMVD of Russia for the VO]. F. 6. Op. 1. D. 463. D. 130–130ob.; Zagorul'ko M.M. (Ed.). *Voennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy* [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Compiled by M.M. Zagorul'ko, S.G. Sidorov, T.V. Tsarevskaya. Moscow, 2000. Pp. 122–123.
- ⁴³ See: Latyshev A.V. *Sistema proverki voennosluzhashchikh Krasnoi Armii, vernuvshikhsya iz plena i okruzheniya: 1941–1945 gg.* [The system for checking Red Army servicemen who returned from captivity and encirclement: 1941–1945]. P. 16.
- ⁴⁴ See: *GARF* [SARF]. F. 9414. Op. 1. D. 1225. L. 23–25.
- ⁴⁵ See: *Ibidem.* L. 58.
- ⁴⁶ See: *Ibidem.* D. 1226. L. 42.

Гангутское сражение: различия научного и популистского освещения события

А. А. ЖЕЛТОВ – доцент кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук, доцент

В последнее время в средствах массовой информации и Интернете появляется большое количество статей и репортажей, посвященных дням воинской славы России. Казалось бы, данные публикации делают важное дело – знакомят население с историей своей страны. Однако в погоне за возвеличиванием какого-либо события или по причине нежелания разбираться в фактах авторы данных работ допускают серьезные искажения исторической действительности. В данной статье рассматриваются ошибочные суждения, понимания, описания и оценки, встречающиеся в популистских публикациях, посвященных Гангутскому сражению. Для сопоставления приводятся факты, установленные в исторических источниках и научных работах по данной теме. Содержащаяся в популярных статьях недостоверная информация делает их бесполезными. Вред от подобных публикаций не ограничивается формированием ложных представлений, он проявляется в последующем разочаровании при столкновении с реальными фактами.

Ключевые слова: Северная война; Гангутское сражение; освещение исторических событий; искажения истории.

5.6.1 – Отечественная история.

Для цитирования: Желтов А. А. Гангутское сражение: различия научного и популистского освещения события. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 33–36.

The Battle of Gangut: differences between scientific and populist coverage

A. A. ZHELTOV – Associate Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Cand. Sci. (History), Associate Professor

Recently, a large number of articles and reports devoted to the days of Russian military glory have appeared in the media and on the Internet. It would seem that these publications are doing an important job - they acquaint the population with the history of their country. However, in pursuit of the glorification of an event or because of a reluctance to understand the facts, the authors of these works allow serious distortions of historical reality. This article examines the erroneous judgments, understandings, descriptions and assessments found in populist publications dedicated to the Battle of Gangut. For comparison, the facts established in historical sources and scientific works on this topic are cited. False information contained in popular articles makes them useless. The harm from such publications is not limited to the formation of false ideas, it manifests itself in the subsequent disappointment when faced with real facts.

Key words: Northern War; Gangut battle; coverage of historical events; distortion of history.

5.6.1 – Domestic history.

For citation: Zheltov A. A. The Battle of Gangut: differences between scientific and populist coverage. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 33–36.

Отдельные события отечественной истории в последнее время привлекают повышенное внимание в связи с внесением их в список, установленный Федеральным законом от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». В Интернете практически каждый год ко дню, обозначенному в законе в качестве даты Гангутского сражения, начинают появляться статьи, описывающие данное историческое событие. К большому сожалению, эти информационные обзоры изобилуют некорректным употреблением слов, непреднамеренно или осознанно искажающим реальные факты рассматриваемого исторического события. Так, в отношении Гангутского сражения часто употребляются такие словосочетания, как «крупная морская победа» и «русский флот разгромил шведский». В одной из таких публикаций встречалось даже заявление, что сильный шведский корабельный флот, возглавляемый адмиралом Густавом Ватрангом, потерпел сокрушительное поражение в Гангутском сражении 1714 г. от русского галерного флота¹. Конечно, подобные заявления не имеют ничего общего с реальной действительностью.

Во-первых, русский гребной флот со шведским флотом в прямую конфронтацию не вступал, иначе итогом этого было бы несомненное поражение, причем отнюдь не шведов. Командующий русским флотом адмирал Ф. М. Апраксин это отчетливо понимал, потому и оставался со всем флотом длительное время (почти месяц – с 29 июня по 26 июля) на мелководье, куда шведские линейные суда из-за осадки пройти не могли.

Во-вторых, поражение в ходе столкновения потерпела небольшая вспомогательная эскадра под командованием Нильса Эреншёльда. Основной же шведский флот не пострадал, но был вынужден перебазироваться не из-за опасения русского флота (как иногда пытаются представить), а в связи с тем, что отпала необходимость нахождения у мыса Гангут. Флот шведов находился там с 25 апреля 1714 г. с целью недопущения русских гребных судов и десанта на запад в шхеры.

Тематика Гангутского сражения обладает хорошей источниковой базой и немалым количеством серьезных научных публикаций исследователей. Прежде всего, детали, особенности и ход сражения отражены в походных журналах (юрналах) непосредственных участников – адмирала Ф. М. Апраксина² и Петра I³. Оставила свои записи и противоположная сторона. В журнале Густава Ватран-

га содержатся описания прорыва русского гребного флота и событий, предшествовавших сражению при Гангуте⁴. По-видимому, были и воспоминания Нильса Эреншёльда, недоступные в русскоязычных источниках. Версию развития сражения Н. Эреншёльда, по мнению П. А. Кротова, опубликовал в своей книге в 1788 г. К. Г. Торнквист⁵. Однако в связи с необходимостью оправдать собственное поражение он настолько искажил результаты сражения и преукрасил собственные достижения, что с реальностью его сообщения имеют мало общего. Например, им были сильно преувеличены потери русских абордажников в сражении – до 3 тыс. чел., тогда как согласно русским источникам погибло 124 чел. При этом отечественные исследователи по разным источникам перепроверили наличный состав, участвовавший в сражении, и лишним «погибшим» взяться было неоткуда. Известны потери по каждому полку, принявшему участие в сражении. Посчитали также 3 чел., пропавших без вести, и добавили их к потерям, доведя число до 127 чел.

Сражение у Гангута получило внушительное научное освещение в отечественной историографии. Еще при жизни Петра I его секретарем А. В. Макаровым и под редакцией императора в 1721–1725 гг. была составлена «История Государева о войне со Швецией», в которой присутствуют описания сражения при Гангуте (Ангуте)⁶. Значительным научным исследованием данного исторического события в дореволюционный период стала работа А. З. Мышлаевского, где были привлечены и проанализированы многочисленные архивные материалы⁷. Из более поздних публикаций особо следует отметить монографию П. А. Кротова⁸.

Доступные исторические источники по истории сражения у Гангута отличаются значительным изобилием. Уже к 200-летию Гангутского сражения были опубликованы собрания источников и материалов в пяти томах под названием «Материалы для истории Гангутской операции».

Таким образом, о Гангутском сражении российской исторической науке известно помимо общей картины много фактов и нюансов. Спорной долгое время оставалась точная локализация сражения относительно нескольких небольших шхер и островов. Возможно, этот вопрос был окончательно разрешен в ходе российско-финской экспедиции 2014 г.⁹ Сохраняются споры о некоторых тактических деталях сражения: А. З. Мышлаевский вслед за сообщениями адмирала

Ф. М. Апраксина и Петра I основную роль отводит абордажу, а П. А. Кротов считает, что большую роль сыграла артиллерийская дуэль. Однако последнее допущение представляется сомнительным. Из-за построения шведской эскадры в узком месте между берегами ее могло атаковать ограниченное количество русских галер. Всего в атаке участвовало 23 скампавеи, а в первой линии, с которой возможно было открывать огонь, – 17. Пушки главного калибра были 6-, 8- и 12-фунтовые, по одной на русскую скампавею. Вспомогательные орудия меньшего калибра можно не учитывать из-за их низкой точности и дальности. Шведская эскадра могла противопоставить большее число орудий с большим калибром: 2 – 36-фунтовых, 4 – 18-фунтовых, 7 – 12-фунтовых и 6 – 6-фунтовых, что делало перестрелку на расстоянии невыгодной для русской стороны. Поэтому ход сражения был таким, каким он и описан в журналах Петра I и Ф. М. Апраксина: сначала абордаж крайних галер противника, затем последующих и на заключительном этапе – прама «Элефант».

Этот всеми признаваемый ход сражения умудряются исказить в популистских публикациях: «фрегат “Элефант” был взят на абордаж, и остальные все 10 судов сдались»¹⁰, тем самым нивелируя значительную часть героической составляющей. Никто не сдавался, все суда пришлось брать на абордаж, а флагман в последнюю очередь. Впрочем, в приведенной цитате наблюдаются проблемы и с арифметикой.

В популярных статьях нередко путают такие термины, как «флот» и «эскадра». В результате встречаются такие некорректные описания, в которых Г. Ватранг командовал эскадрой, а Н. Эреншёльд – флотом.

Исходя из масштабов морских сражений XVII–XVIII вв., называть Гангутское сражение крупным будет не совсем верно, хотя и небольшим его назвать нельзя. Численность шведской стороны оценивают до 941 чел. при 116 пушках. Морским сражением или сражением морских флотов (эскадр) его назвать можно только условно, так как в нем участвовали не морские суда, а прибрежные. Победу в сражении одержали опять же не силами непосредственно флота, а благо-

даря абордажу, осуществленному солдатами пехотных полков.

Российский флот, принявший участие в сражении у Гангута, полностью состоял из скампавей – открытых (беспалубных) полугалер, которые успешно плавали по морю как с помощью весел, так и под парусами, но в шторм они были менее безопасны, чем морские корабли. Так, во время морского похода 1714 г. в столкновении с неприятелем была потеряна только одна скампавея, севшая на мель во время прорыва российских полугалер мимо флота Г. Ватранга, а в последующий период было потеряно во время штормов 16 таких судов, потонувших или разбившихся о камни¹¹.

Значение Гангутского сражения в популистских публикациях также зачастую оценивается некорректно. Встречаются заявления, что в результате сражения шведский флот оказался деморализован и перестал принимать активное участие в боевых действиях¹². В действительности морской (корабельный) флот ущерба не получил. Значение Гангута заключается прежде всего в получении русским галерным флотом открытого прохода к стокгольмскому побережью Швеции, что создавало угрозу внутренним областям государства. К тому же уничтожение значительной части немногочисленного гребного флота Швеции было также полезно.

Подводя итог, можно отметить, что популистские статьи на исторические темы, размещаемые в Интернете, как это видно на примере Гангутского сражения, зачастую содержат сильно искаженную, недостоверную, а иногда и неправильную информацию. Причинами этого могут быть, с одной стороны, нежелание авторов разобраться в описываемом событии, с другой – стремление преувеличить его роль. Последнее зачастую объясняют идеей воспитания патриотизма у молодежи. Однако почему-то не задумываются, что патриотизм не стоит формировать на основе искаженной информации, так как при столкновении с фактами и осознании первоначальной ложности полученных посылов человек может изменить свои взгляды на противоположные. Таким образом, подобные популистские статьи приносят больше вреда, чем пользы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Журнал Густава Ватранга. URL: <https://rumarine.ru/4/ZHurnal-Gustava-Vatranga/> (дата обращения: 01.05.2021).

² См.: Журнал плаванья галерного флота гр. Апраксина // Материалы для истории Гангутской операции. Издание Архива морского министерства. Вып. 3: Журналы 1714 года. Петроград, 1914. С. 87–94.

³ См.: Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 33–37. URL: http://stariyeknigi.info/Knigi/P/Pohodnyj_zhurnal_1714_goda_1854.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

⁴ См.: Журнал морской экспедиции Густава Ватранга 1714 года // Материалы для истории Гангутской операции. С. 183–185.

⁵ См.: Кротов П. А. К вопросу о силах и тактике русского гребного флота в Гангутском сражении 1714 года // История СССР. 1990. № 6. С. 137–150.

⁶ См.: Журнал 1714 года из Гистории Государевой о войне со Швецией // Материалы для истории Гангутской операции. Издание Архива морского министерства. С. 30–38.

⁷ См.: Мышлаевский А. З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах: Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.

⁸ См.: Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.

⁹ См.: Лукошков А. В. Результаты российско-финских экспедиционных работ 2014 г. по локализации места Гангутского сражения // Меншиковские чтения : науч. альм. 2014. Вып. 5 (12). С. 225–235.

¹⁰ Новикова А. День воинской славы России. Сражение у мыса Гангут. URL: <https://ocean-media.su/srazhenie-u-mysa-gangut/> (дата обращения: 05.05.2021).

¹¹ См.: Журнал плавания галерного флота гр. Апраксина. С. 113.

¹² См.: Додонов В. Гангутское сражение – первая победа Российского флота. URL: <https://korvet2.ru/gangutskoe-srazhenie.html> (дата обращения: 05.05.2021).

ENDNOTES

¹ See: *Zhurnal Gustava Vatranga* [Gustaf Watrang's log]. URL: <https://rumarine.ru/4/ZHurnal-Gustava-Vatranga/> (accessed: May 1, 2021).

² See: Navigation log of the galley fleet of count Apraksin. In: *Materialy dlya istorii Gangutskoi operatsii. Izdanie Arkhiva morskogo ministerstva. Vyp. 3: Zhurnaly 1714 goda* [Materials for the history of the Gangut operation. Publication of the Archive of the Maritime Ministry. Issue 3: Journals of 1714]. Petrograd, 1914. Pp. 87–94. (In Russ.).

³ See: *Pokhodnyi zhurnal 1714 goda* [Sea log of 1714]. Saint Petersburg, 1854. Pp. 33–37. URL: http://stariyeknigi.info/Knigi/P/Pohodnyj_zhurnal_1714_goda_1854.pdf (accessed: May 1, 2021).

⁴ See: Log of Gustaf Watrang's naval expedition of 1714. In: *Materialy dlya istorii Gangutskoi operatsii* [Materials for the history of the Gangut operation. Pp. 183–185. (In Russ.).

⁵ See: Krotov P.A. Revisiting the issue regarding the forces and tactics of the Russian rowing fleet in the Battle of Gangut in 1714. *Istoriya SSSR=History of the USSR*, 1990, no. 6, pp. 137–150. (In Russ.).

⁶ See: Journal of 1714 from the State History about the war with Sweden. In: *Materialy dlya istorii Gangutskoi operatsii. Izdanie Arkhiva morskogo ministerstva* [Materials for the history of the Gangut operation. Publication of the Archive of the Maritime Ministry]. S. 30–38.

⁷ See: Myshlaevskii A.Z. *Petr Velikii. Voina v Finlyandii v 1712–1714 godakh: Sovmestnaya operatsiya sukhoputnoi armii, galernogo i korabel'nogo flotov* [Peter the Great. The war in Finland in 1712–1714: a joint operation of the land army, galley and naval fleets]. Saint Petersburg, 1896.

⁸ See: Krotov P.A. *Gangutskaya bataliya 1714 goda* [The Gangut Battle of 1714]. Saint Petersburg, 1996.

⁹ See: Lukoshkov A.V. The results of the Russian-Finnish expeditionary work in 2014 on the localization of the site of the Gangut battle. *Menshikovskie chteniya: nauch. al'm.=Menshikov Readings: Scientific Anthology*, 2014, issue 5 (12), pp. 225–235.

¹⁰ Novikova A. *Den' voinskoi slavy Rossii. Srazhenie u mysa Gangut* [Day of Military Glory of Russia. The battle of Cape Gangut]. URL: <https://ocean-media.su/srazhenie-u-mysa-gangut/> (accessed: May 5, 2021).

¹¹ See: *Navigation log of the galley fleet of count Apraksin*. P. 113.

¹² See: Dodonov V. *Gangutskoe srazhenie – pervaya pobeda Rossiiskogo flota* [The Gangut battle – the first victory of the Russian fleet]. URL: <https://korvet2.ru/gangutskoe-srazhenie.html> (accessed: May 5, 2021).

УДК 378.14

Культурные риски образования в современном медиамире

Н. С. ОБОТУРОВА – профессор кафедры философии и истории психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор философских наук, доцент

Современное образование уже не может обойтись без технических возможностей медиа. Новые технологии позволяют модернизировать процесс образования, сделать его более динамичным и доступным, преодолеть различия между престижными и остальными учебными заведениями. Вместе с тем возникают риски того, что вследствие неумеренного использования медиатехнологий из образования постепенно будут вытеснены элементы, обеспечивающие воспитательный эффект, вхождение в культуру, социализацию, гуманизацию. Сегодня необходим всесторонний анализ образовательного потенциала медиа с точки зрения возможностей сохранения экзистенциальной составляющей образования. Современные образовательные практики должны объединить в себе серьезность и фундаментальность традиционного и подвижность и адаптивность медиаобразования на основе понимания того, что общекультурные, гуманитарные задачи в современном образовании не менее значимы, чем овладение общим и специализированным знанием.

Ключевые слова: общество; культура; образование; знание; информация; медиа; гуманизация.

5.7.6 – Философия науки и техники.

Для цитирования: Оботурова Н. С. Культурные риски образования в современном медиамире. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 37–40.

Cultural risks of education in the modern media world

N. S. OBOTUROVA – Professor of the Department of Philosophy and History of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doc. Sci. (Philosophy), Associate Professor

Modern education can no longer do without the technical capabilities of the media. New technologies make it possible to modernize the educational process, make it more dynamic and accessible, overcome the differences between prestigious and other educational institutions. At the same time there are risks that, due to the excessive use of media technologies, elements that provide an educational effect, entry into culture, socialization and humanization will gradually be squeezed out of education. Today a comprehensive analysis of the educational potential of the media is needed from the point of view of the possibilities of preserving the existential component of education. Modern educational practices should combine the seriousness and fundamental nature of the traditional and the mobility and adaptability of media education based on the understanding that general cultural, humanitarian tasks in modern education are no less important than mastering general and specialized knowledge.

Key words: society; culture; education; knowledge; information; media; humanization.

5.7.6 – Philosophy of science and technology.

For citation: Oboturova N. S. Cultural risks of education in the modern media world. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 37–40.

В результате кардинальных перемен, произошедших в мире в последние десятилетия, широко распространился новый вид культуры – медиакультура, которой присущи, с одной стороны, всеобщие законы, действующие в сфере традиционной культуры, с другой – новые законы, характерные только для этого явления и требующие своего всестороннего изучения. Сегодня мы можем наблюдать, как медиатехнологии заполняют все сферы общественной жизни, в том числе и образование, постепенно вытесняя традиционные, классические формы. Какие трансформации в связи с воздействием медиа претерпевает образование как фундаментальный культуuroобразующий фактор? Какое влияние на обучение и образование в целом оказывают медиатехнологии? Философское осмысление этих проблем представляется сегодня особенно важным, так как существует «определенное отставание общественного сознания в осмыслении новых социокультурных реалий, связанных с распространением медиаккультуры»¹.

В философских дискуссиях по поводу осмысления проблем влияния медиатехнологий на процесс образования высказываются различные точки зрения, в том числе диаметрально противоположные. Так, исследователи, акцентирующие внимание на противопоставлении общественным сознанием человека и информационной реальности, справедливо отмечают проблемы углубления процессов отчуждения человека в медиареальности, утраты идентичности и т. п. В то же время их оппоненты считают рассуждения о радикальном (принципиально новом, эпохальном и т. п.) влиянии современных медиа на образование сильно преувеличенными, показывая, что вопросы и проблемы, связанные с инструментальной, технологической оснащенностью жизни человека, включая все ее сферы, вековечны и навыки использования технических достижений предшествующих эпох в принципе не отличались от тех навыков, которые необходимы современному человеку². Думается, что перспективы дальнейшего исследования темы связаны все-таки с необходимостью осмысления актуальных проблем воздействия медиального пространства на человека, исходя из понимания того обстоятельства, что «феномен “медиа” постепенно становится онтологическим условием существования человека»³.

Важнейшим направлением изучения проблемы представляется осмысление воз-

можностей сохранения при интенсивном использовании медиатехнологий экзистенциальной составляющей образования, обеспечивающей трансляцию культурного опыта, основанное на философском определении его сущности, не сводимой к технологиям передачи и усвоения знания. Для этого необходимо преодолеть отношение к образованию преимущественно как овладению аналитическими знаниями в совокупности с рецептурной информацией, практическими умениями и навыками, укорененное в идеалах классической рациональности, но и сегодня, к сожалению, являющееся преобладающим. На самом деле процесс целенаправленной передачи и усвоения систематизированных знаний и навыков, обеспечивающих профессионализацию, несмотря на всю свою значимость, является лишь частью образования, возможно даже не самой важной, в широком же смысле образование «можно назвать средством, позволяющим каждому... обыкновенному человеку стать личностью, активным членом общества, искателем правды и выразителем этой правды, способным, пусть даже неосознанно, помочь каждой общине, каждому сообществу сделать шаг к лучшей жизни»⁴.

Одним из отмечаемых современными исследованиями социокультурных следствий использования в образовательном процессе медиатехнологий, требующим проблематизации, является постоянное ограничение сферы непосредственного общения обучающегося, особенно с преподавателем. В связи со сложившимися обстоятельствами самоизоляции мы длительное время вынуждены были обучаться и обучать дистанционно, многие университеты, колледжи и другие образовательные организации начали широко использовать такие формы образовательного процесса, как онлайн-лекции, вебинары, онлайн-консультации и т. п., при этом онлайн-образование показало свои несомненные плюсы. Оказалось, например, что проводить онлайн-консультации очень удобно как для преподавателя, так и для обучающегося, возможность выполнять задания в своем темпе для каждого ученика тоже играет не менее важную роль. А с учетом современных трендов на коммерциализацию образования, превращение государственных вузов в предприятия по оказанию образовательных услуг и усиливающегося в этой связи неравенства онлайн-образование вообще может показаться хорошим перспективным выбором. Ведь оно доступ-

но широким слоям людей с разными доходами, позволяет существенно сократить затраты на образование за счет экономии времени, затрачиваемого на его получение, и сокращения штата преподавателей.

Вместе с тем возникает вполне реальный риск того, что вследствие неумеренного использования медиа в образовании из него будет практически полностью исключена сфера непосредственного общения, а вместе с ней и все то, что выходит за рамки передаваемой информации. При этом вне образовательного процесса окажутся «элементы неявного знания, экзистенциальные акценты, индивидуальный опыт и прочее, т. е. все то, что предполагает личное, не формализуемое в принципе, контекстуально подвижное общение»⁵. А ведь именно эти элементы образования обеспечивают его воспитательный эффект, вхождение в культуру, социализацию, гуманизацию, которые не менее значимы для общества, чем собственно образование как овладение общим и специализированным знанием. Поэтому для того, чтобы в процессе технологизации образования не потерялись его экзистенциальная и культурная составляющие, сегодня необходима разработка соизмеримых с влиянием медиасреды новых современных средств общения с преподавателем.

К таким средствам лишь отчасти можно отнести те многообразные формы подачи информации, которые сегодня используются в образовательном процессе, так как, несмотря на несомненные плюсы, в целом они обеспечивают преимущественно информативную функцию образования. В новом формате образования обучающиеся могут получать более полную информацию об изучаемом предмете, а то, что дает преподаватель, могут увидеть в разных контекстах, найти дополнительные сведения, обсудить в чате или на форуме. Все это в совокупности дает возможность получить комплексное представление об изучаемом объекте, процессе, явлении, углубляет знания в изучаемой сфере. Теоретически это так, а практически из-за того, что в Интернете материал по любой проблеме представлен в кратком и поверхностном виде, современный обучающийся избавлен от более глубокого изучения темы. Как правило, найдя общие положения, он на этом и останавливается, так как основную и главную информацию уже узнал. В результате происходят отказ от глубокого анализа проблем и привыкание к тому, что их всегда можно закрыть и «снять», составив самое общее представление о них, но

так по-настоящему и не изучив. Таким образом, «из информационно-коммуникативного пространства, в котором живет сознание современного человека, вымываются вопросы, требующие медленных режимов работы теоретического мышления»⁶, вследствие чего происходит разрушение важного комплекса способностей, обеспечивающих его работу, таких, например, как способность рефлексии, проблематизации, самоопределения и т. д.

Неоднозначно можно оценить и такое относительное преимущество медиаобразования, как легкость в поиске и получении информации с помощью гаджетов, которые сегодня имеет каждый обучающийся. Достаточно вбить необходимый запрос в поисковую строку и буквально за доли секунды получить массу ссылок, в которых можно найти то, что тебя интересует как в развернутом, так и в кратком виде, а дальше уже самому выбрать то, что нужно. Но именно здесь и возникает противоречие между доступностью информации и реальностью ее избытка, когда важной оказывается не сама по себе информация, а возможность отсеивания лишнего, второстепенного, фейкового и т. п. В этой связи в современных исследованиях проблем информационной обеспеченности образования подчеркиваются не только новые возможности, которыми она наполняет образовательный процесс, но и неизбежные риски, возникающие в избыточном информационном пространстве. При том, что Интернет дает пользователю сотни вариантов интерпретации проблемы, он не дает и не может дать главного – основания выбора, обрекая тем самым пользователя на бесконечное хождение по кругу. Можно сказать, что Интернет представляет собой такое технологическое расширение, которое способно вместить в себя практически необъятное для нормального человека количество информации, и в этой бесконечности текстов становится все сложнее найти ориентиры.

В заключение отметим, что современная образовательная система уже не может обойтись без технических возможностей медиа, и проблема состоит не в том, чтобы ограничивать их роль в образовании, а в том, чтобы в процессе использования «мощных технологических возможностей “медиа” не потерять экзистенциальную составляющую образования, обеспечивающую далеко не автоматическую трансляцию опыта жизни человеческого рода»⁷. Как и у традиционного классического образования, у медиа

есть свои плюсы и минусы, поэтому современные образовательные практики должны объединять в себе серьезность и фундаментальность традиционного и подвижность и адаптивность медиаобразования на основе понимания того, что общекультурные, гуманитарные задачи приобретают в современном образовании особое значение. Реализация этих задач предполагает дополнение инструменталистского подхода ценностным, гуманистическим, утверждающим неразрывную связь образования с ба-

зовыми ценностями как смысловым ядром культуры, регулятивами индивидуальной и общественной жизни, понимание того, что приобщение обучающихся к культуре, социализация, гуманизация являются не менее значимыми, чем овладение общим и специализированным знанием. Именно на основе такой философской парадигмы возможны преодоление культурных рисков образования в мире современных медиа и реализация его глубинных экзистенциальных смыслов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Осипов И. Д. Проблема совершенствования медиаобразования в России // *Вопр. философии*. 2020. № 5. С. 95.
- ² См.: Соколов Е. Г. «Онтологическая» фикция // Там же. № 3. С. 13–16.
- ³ Осипов И. Д. Проблема совершенствования медиаобразования в России. С. 95.
- ⁴ Майор Ф. Новая страница. М., 1994. С. 35.
- ⁵ Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Культурные смыслы образования и медиамир // *Вопр. философии*. 2020. № 5. С. 100.
- ⁶ Оботурова Н. С. Влияние информатизации образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // *Вестн. ин-та: преступление, наказание, исправление*. 2016. № 4 (36). С. 85.
- ⁷ Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Культурные смыслы образования и медиамир. С. 100.

ENDNOTES

- ¹ Osipov I.D. The problem of improving media education in Russia. *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 5, p. 95. (In Russ.).
- ² See: Sokolov E.G. Ontological fiction. *Ibidem*, no. 3, pp. 13–16. (In Russ.).
- ³ Osipov I.D. *The problem of improving media education in Russia*. P. 95.
- ⁴ Maior F. *Novaya stranitsa* [A new page]. Moscow, 1994. P. 35.
- ⁵ Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. Cultural meanings of education and the media world. *Voprosy Filosofii*, 2020, no. 5, p. 100.
- ⁶ Oboturova N.S. Effect of informatization of the educational environment on the formation of general cultural competence of students. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie=Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*, 2016, no. 4 (36), p. 85. (In Russ.).
- ⁷ Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. *Cultural meanings of education and the media world*. P. 100.

Философско-правовые аспекты правосознания в курсе обществознания¹

Н. В. ДРЯННЫХ – заведующий кафедрой философии Института социальных и гуманитарных наук Вологодского государственного университета, кандидат философских наук, доцент

Особую роль в формировании правосознания играют предметы гуманитарной направленности, в частности обществознание, основная функция которого заключается в воспитании критически мыслящей, творческой личности. Изучение обществознания призвано создать условия для выполнения выпускником разнообразных социальных ролей, ориентации в актуальных проблемах современного глобализирующегося мира, анализа с точки зрения моральных и правовых ценностей поведения людей в юридически значимых ситуациях.

Особое место среди содержательных линий курса обществознания отводится философско-правовым аспектам, поднимаемые в которых вопросы сложны для восприятия обучающимися и требуют формирования развитого правосознания. Конечно, правосознание как сложное, интегральное явление не заложено генетически, оно формируется, воспитывается в каждом конкретном человеке.

В статье обращается внимание на то, что усвоение знаний о праве, правоотношениях, владение юридическими дефинициями и, как следствие, формирование правосознания возможны не только при погружении обучающихся в содержание самого предмета, но и при осмыслении ценности права с точки зрения философских аспектов.

Ключевые слова: философия права; правосознание; нравственность; ценности права; курс обществознания.

5.7.7 – Социальная и политическая философия.

Для цитирования: Дрянных Н. В. Философско-правовые аспекты правосознания в курсе обществознания. *Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований*, 2021, № 1 (1), с. 41–44.

Philosophical and legal aspects of legal consciousness in the course of social studies

N. V. DRYANNYKH – Head of the Department of Philosophy of the Institute of Social and Humanitarian Sciences of the Vologda State University, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor

Of particular importance in the formation of legal consciousness are objects of a humanitarian orientation, in particular social studies, the main function of which is to educate a critically thinking, creative person. The study of social science is designed to create conditions for a graduate to fulfill a variety of social roles, orientation in urgent problems of the modern globalizing world, analysis from the point of view of moral and legal values of people's behavior in legally significant situations.

A special place among the content lines of the social science course is given to the philosophical and legal aspects, the issues raised in which are difficult for students to perceive and require the formation of a developed legal consciousness. Of course legal consciousness as a complex, integral phenomenon is not genetically inherent, it is formed, educated in each individual person.

The article draws attention to the fact that the assimilation of knowledge about law, legal relations, possession of legal definitions and, as a consequence, the formation of legal consciousness are possible not only when students are immersed in the content of the subject itself, but also when understanding the value of law from the point of view of philosophical aspects.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00042.

Key words: philosophy of law; legal consciousness; moral; values of law; social studies course.

5.7.7 – Social and political philosophy.

For citation: Dryannykh N. V. Philosophical and legal aspects of legal consciousness in the course of social studies. *All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities*, 2021, no. 1 (1), pp. 41–44.

Последние десятилетия в системе российского образования происходят изменения, затрагивающие все ее стороны. Приоритетной целью становится уже не просто получение знаний, а формирование обучающегося, способного к определению и достижению своей цели. Соответственно, деятельность школы должна быть нацелена на смещение ориентиров с экстенсивных технологий, когда школьник выступает объектом обучения, в плоскость интенсивных технологий, где происходит формирование человека, способного к самостоятельности в принятии решений.

Это связано с тем, что обществознание носит личностно ориентированный характер, формирующий исследовательские, когнитивные, аналитические и другие навыки обучающегося. Так, Т. Е. Лискова замечает, что данный учебный курс «проверяет широкий спектр предметных умений, видов познавательной деятельности и знания об обществе в единстве его сфер и социальных институтов, о социальных качествах личности и об условиях их формирования, о важнейших экономических явлениях и процессах, политике и праве, социальных отношениях, духовной жизни общества»¹.

Важным представляются и «умения целостно формулировать, логично и последовательно излагать свои мысли, делать выводы, определять оптимальные способы практической деятельности, использовать полученные знания в смоделированных жизненных ситуациях, конкретизировать теоретические знания, выражать и аргументировать собственную позицию по поводу значимой социальной проблемы, применять теоретические знания при решении проблемных задач, для прогнозирования и обоснования социальных явлений и процессов»².

Соответственно, ценностной составляющей курса обществознания можно считать и то, что оно включает многообразие содержательных линий, касающихся социальных, духовных, экономических, политических и правовых проблем общества. Обучающийся в свою очередь должен обладать сово-

купностью как теоретических знаний, широким кругозором и уровнем интеллекта, так и практикой их применения.

Особое место среди содержательных линий отводится политико-правовой сфере, вопросы, поднимаемые в которой, сложны для восприятия обучающимися и требуют формирования развитого правосознания. Очевидно, что общество нуждается в социально зрелой, критически мыслящей личности, обладающей правовыми знаниями. Это особый вид практически-преобразующей и интеллектуально-познавательной деятельности.

В справочной литературе правосознание определяется как совокупность представлений, взглядов, оценок и эмоций, посредством которых выражается отношение человека и общественных объединений к действующему праву, к тому, что является правомерным или неправомерным³. Конечно, это не единственное определение данного понятия.

Большой вклад в изучение данного феномена внесли такие ученые-правоведы, как И. А. Ильин, Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Б. Н. Чичерин, в основе идей которых правосознание представляет собой осознание правомерного поведения конкретным индивидом.

На нравственное содержание термина «правосознание» указывал И. А. Ильин, для которого правосознание есть «особое чувство правоты, чувство справедливости, чувство ответственности и чувство свободы, которыми ему подобает руководствоваться в общественной жизни. Правосознание есть чувство уважения к закону и законности; чувство преклонения перед авторитетом законной власти и суда и, соответственно, чувство долга и связанности им, живое чувство связующей дисциплины»⁴. Философ в своих работах развивает идею о том, что правосознание есть такое состояние, без которого нельзя вступать в правоотношения, поддерживать правопорядок, осуществлять судопроизводство. Более того, в правосознании структурно переплетаются как чувственные, эмоционально-оценочные

отражения правовой действительности, так и рациональные, выражающие активную интеллектуальную деятельность индивида, связанную с выработкой правовых идей, понятий, убеждений.

В основе аксиологического подхода к правосознанию лежит идея о том, что право есть социальная ценность, в качестве которой выступают права и свободы личности в их индивидуальном и коллективном проявлении. С. С. Алексеев отмечал, что право представляет собой ценность, «значительное социальное благо... поскольку обеспечивает высокую организованность общественной жизни, и ценность опосредованную, поскольку закрепляет и обеспечивает другие социальные ценности»⁵. При этом ученый выделяет такой ценностный аспект, как ценность упорядоченной активности, предполагающей «высокозначимые блага (безопасность человека в людских взаимоотношениях, стабильность сложившихся отношений, гарантированность прав, социального долга, торжество правды, справедливости, истины в конфликтных ситуациях)»⁶. Этот подход дает возможность понять специфическую природу права как духовно-практического средства освоения мира, ибо цель права и правосознания заключается в отношении человека к действующему праву на основе ценностно-правового императива, ценностного закона.

Наиболее полный перечень признаков правосознания встречается у Р. С. Байниязова. По его мнению, правосознание отражает юридическую действительность во всем ее многообразии, имеет нормативное значение для участников общественных отношений, то есть оно выступает в качестве регулятора их поведения. Оно полисубъектно, так как присуще и отдельным гражданам, и различным социальным группам, и обществу в целом. Автор обращает внимание на то, что правосознание имеет теснейшую связь не только с правом, юридической практикой, но и с государством: государственный аппарат, органы публичной власти оказывают большое влияние на процесс формирования правосознания как отдельных граждан, так и общества в целом (в этом случае правосознание тесно взаимодействует с политическим сознанием)⁷.

Исходя из многообразия признаков правосознания, можно сказать, что это сложная и многогранная категория, которой отводится центральное место в механизме регулирования поведения в различных ситуациях. Именно правосознание, играя важную

роль, формируя сознательное отношение субъектов к праву, чувство нетерпимости к правонарушениям, выступает необходимым условием реализации правовых норм на основе глубокого и осознанного осуществления правовых требований, понимания их правильности и разумности.

Следовательно, в основе правосознания заложены знание норм права, в частности Конституции Российской Федерации, федеральных законов, основ конституционного строя, понимание сущности правовых учений, механизмы правового регулирования, умения не только анализировать актуальную информацию о деятельности органов власти, но и формулировать собственные суждения в практической плоскости. Более того, логически оправданной выступает идея принятия Концепции преподавания учебного предмета «Обществознание» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, целью которой является формирование у обучающихся правовой, политической культуры, соответствующей традициям и потребностям российского общества, общероссийской гражданской идентичности.

Таким образом, правосознание имеет оценочный и одновременно нормативный характер, так как оценивает правовое бытие через призму категорий законного и незаконного, справедливого и несправедливого, правомерного и противоправного. Оно включает в себя юридические знания и предметно-деловое отношение к праву, установку на активное, творческое правомерное поведение. Правосознание как совокупность взглядов, идей, представлений, а также чувств, эмоций и переживаний, выражающих отношение людей к действующему праву, содержит философские, этические ценностные аспекты. В правосознании не только отражаются правовые явления и представления о должном правопорядке, правовой действительности в форме знаний, но формируется ценностное, философско-этическое отношение к поведению людей на основе действующего законодательства, к своим правам и обязанностям.

Следовательно, курс обществознания может выступать той основой, благодаря которой формируется правосознание обучающихся. Именно сформированное правосознание сохраняет весь предшествующий социально-юридический опыт, воспроизводя его в правовой практике, образовании и науке.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лискова Т. Е. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2019 года по обществознанию // Педагог. измерения. 2019. № 4. С. 3.

² Там же.

³ См.: Большая юридическая энциклопедия / авт.-сост. А. Б. Барихин. М., 2010. С. 647.

⁴ Ильин И. А. О монархии и республике // Вопр. философии. 1991. № 4. С. 40.

⁵ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 2019. С. 218.

⁶ Там же. С. 99.

⁷ См.: Байниязов Р. С. Проблемы правосознания в современном российском обществе : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

ENDNOTES

¹ Liskova T.E. Methodological recommendations for teachers prepared on the basis of the analysis of typical mistakes of participants of the Unified State Exam 2019 in social studies. *Pedagog. izmereniya*=*Pedagogical Dimensions*, 2019, no. 4, p. 3. (In Russ.).

² *Ibidem*.

³ See: *Bol'shaya yuridicheskaya entsiklopediya* [Great Encyclopedia of Law]. Compiled by A.B. Barikhin. Moscow, 2010. P. 647.

⁴ Il'in I.A. About the monarchy and the republic. *Voprosy Filosofii*, 1991, no. 4, p. 40. (In Russ.).

⁵ Alekseev S.S. *Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve* [Social value of the law in Soviet society]. Yekaterinburg, 2019. P. 218.

⁶ *Ibidem*. P. 99.

⁷ See: Bainiyazov R.S. *Problemy pravosoznaniya v sovremennom rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Issues of legal consciousness in modern Russian society: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 1999.